DOI: 10.31860/0202-0262-2019-36-119-174

«ЛЮБЕЗНОЙ РОДИНЫ ПРЕКРАСНОЕ СВЕТИЛО!»
(Из переписки П. А. Вяземского с А. Д. Баратынской)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Дубровского)

Аннотация: Переписка Петра Андреевича Вяземского с его светской знакомой, переводчицей Анной Давыдовной Баратынской (урожд. княжной Абамелек-Лазаревой; 1814–1889), невесткой поэта Е. А. Баратынского, относится в основном к 1875–1877 гг., когда оба они поселились в Германии. Она приоткрывает нам неизвестные страницы взаимоотношений двух значительных личностей русской истории в последний, наименее изученный период их жизни и творчества. В переписке обсуждаются проблемы издания и продажи сборника стихотворений Вяземского в Германии, история с потерянными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны, газетная полемика по славянскому вопросу и др.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, А. Д. Баратынская (Абамелек-Лазарева), Германия, переписка, письма императрицы Елизаветы Алексеевны, славянский вопрос, Русско-турецкая война.

Abstract: The correspondence of Petr Andreevich Vyazemsky, with his high society friend, the translator Anna Davydovna Boratynskaya (nee Princess Abamelek-Lasareva; 1814–1889), sister-in-law of the poet E.A. Boratynsky, refers mostly to the years 1876–1877, when they both live in Germany. It reveals to us the unknown story of relations between the two important figures of Russian history in the last, the least studied period of their life and creativity. The correspondence discusses the problems of the edition and the realization of poems of Vyazemsky in Germany, the mystery with the lost letters of the Empress Elizaveta Alexeevna, a newspaper controversy on the Slavic question etc.

Keywords: Petr Vyazemsky, Anna Boratynskaya (Abamelek-Lasareva), Germany, correspondence, letters of the Empress Elizaveta Alekseevna, the Slavic question, Russian-Turkish war.

Переписка поэта пушкинского круга Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) с Анной Давыдовной Баратынской (урожд. княжной Абамелек-Лазаревой; 1814–1889), талантливой переводчицей русской поэзии на европейские языки и европейских поэтов на русский, имеет огромное значение для мировой культуры. Публикуемые письма приоткрывают нам неизвестные страницы взаимоотношений двух значительных личностей русской истории, главным образом в последний период их жизни и творчества, когда оба они переселились из России в Германию. Имя Вяземского традиционно связывают с «золотым веком» русской литературы. Но после смерти Пушкина Вяземский прожил более сорока лет и написал множество замечательных стихотворений, статей, вел записные книжки, где фиксировал не только важные события личной и общественной жизни, но и мимолетные разговоры, размышления,

© Дубровский А. В., 2019

анекдоты, в которых, цитируя самого поэта: «жизнь играет роль писца».[1] В своей совокупности публикуемая переписка в значительной степени дополняет сюжеты записных книжек Вяземского.

Анна Давыдовна Абамелек[2] хорошо известна как адресат изящного пушкинского послания: «Когда-то (помню с умиленьем…)», записанного в ее альбом 9 апр. 1832 г.[3] и вошедшего впоследствии во все собрания сочинений поэта, начиная с посмертного издания.[4] Имя юной армянской княжны читающая публика узнала годом ранее, когда были опубликованы переведенные ею на французский язык поэма И. И. Козлова «Чернец»[5] и стихотворение А. С. Пушкина «Талисман», положенное на музыку композитором Н. С. Титовым.[6] Восточная красота, принадлежность к старинному армянскому княжескому роду, образованность и свободное владение иностранными языками (она знала английский, французский, немецкий, армянский и грузинский) восемнадцатилетней девушки обратили на нее внимание царской семьи. 20 апр. 1832 г. Николай I подписал указ: «Княжну Анну Абамелек всемилостивейше пожаловали мы во фрейлины к ея императорскому величеству любезнейшей супруге нашей».[7] Вскоре юную княжну представили императрице Александре Федоровне. В Зимний дворец Анна приехала из родительского дома в Москве, где продолжала жить до своего замужества. 27 мая 1833 г. вместе с отцом Давыдом Семеновичем (1774–1833), матерью Марфой Екимовной (Иоакимовной) (урожд. Лазаревой; 1788–1844) и младшей сестрой Екатериной (1817–1892) на пароходе «Николай I» она отправилась в заграничное путешествие. Семья сопровождала больного отца в Богемию на карлсбадские воды.[8] Среди пассажиров пироскафа «Наследник», курсировавшего между Петербургом и Кронштадтом, она могли видеть Пушкина, провожавшего в Европу своего приятеля С. Д. Киселева.[9]

---

[1] *Вяземский П. А.* Полн.собр.соч.: [в 12 т.] СПб., 1878–1896. Т. 1. С. VIII. (Далее ссылки на это издание приводятся с указанием тома и страницы).

[2] См. о ней: Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 157–158 (ст. Н. И. Осьмаковой); *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. Л., 1963. № 4. С.142–151; *Базиянц А. П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С.78–93; *Михайлова О. И.* Портреты А. Д. Абамелек // Временник Пушкинской комиссии. АН СССР. Л., 1986. Вып. 20. С. 65–89; *Скворцова Е.* Живые картины Анны Абамелек. СПб., 2009.

[3] РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 181, л. 19 об. Описание альбома см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.34–35.

[4] Впервые опубл.: Отечественные записки. 1840. Т. VIII, № 1, отд. III под заглавием: «А. Д. Б….ской».

[5] «Le moine. Poème le M. Kosloff», intitulé: Чернец. Trad. en prose par M-lle... M., 1831.

[6] «Le talisman. Romance russe. Paroles par A. Pouchkine mises en musique par Titoff, traduites en français par M-lle la Princesse Anne Abamelek» (без места и года).

[7] Цит. по публ.: *Михайлова О. И.* Портреты А. Д. Абамелек. С. 74.

[8] *Абамелек Давыд Семенович*, кн., скончался в Дрездене 23 окт. 1833 г. Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском армянском кладбище.

[9] См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / сост. М. А. Цявловский, Н. А.Тархова. М., 1999. Т. 4. С. 53.

В ноябре 1834 г. в Италии во Флоренции произошла встреча Анны с П. А. Вяземским. Поэт посетил Флоренцию с 10 по 25 нояб. по пути в Рим, когда Анна уже собиралась возвращаться в Россию. Живописные виды столицы Тосканы, Палаццо Уффици и галерея Питти с шедеврами Боттичелли, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело вкупе с красотой двадцатилетней черноокой армянской княжны вдохновили Вяземского на создание поэтического шедевра – стихотворения «Флоренция»: «Ты знаешь край! Там льется Арно…»:

Она, и стройностью красивой,
И яркой белизной лица,
Была соперницей счастливой
Созданий хитрого резца.
Канова на свою Психею
При ней с досады бы смотрел,
И мрамор девственный пред нею,
Стыдясь, завистливо тускнел.

На белом мраморе паросском
Ее чела, венцом из кос,
Переливалась черным лоском
Густая прядь густых волос,
И черным пламенем горела
Очей пылающая ночь;
И южным зноем пламенела
Младая северная дочь. (Т. 4. С. 182)

Вербальный образ «младой северной дочери», созданный Вяземским, прекрасно сочетается с изображением юной Анны, какой мы ее видим на акварельном портрете работы А. П. Брюллова (1835).[10] В Петербурге Вяземский записал в ее альбом еще одно стихотворение: «Любезной родины прекрасное светило!», в котором создал образ «звезды любви, звезды поэзии младой» (Т. 4. С. 176). Помимо стихотворений Вяземского и Пушкина в этом альбоме содержатся стихотворные посвящения С. П. Глинки, И. И. Козлова, С. Е. Раича, А. Н. Муравьева и др.

В ноябре 1835 г. княжна Абамелек вышла замуж за флигель-адъютанта Ираклия Абрамовича Баратынского (1802–1859), младшего брата поэта Е. А. Баратынского. Единственный из братьев Ираклий пошел по стопам своего отца, генерал-лейтенанта Абрама Андреевича Баратынского, преуспев на военной службе. Выпускник Пажеского корпуса, участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления Польского восстания (1830–1831), он состоял в свите императора Николая I. Анна Баратынская тем временем осваивала карьеру придворную. Она была обласкана государыней, дружеские отношения связывали ее с великой княгиней Еленой Павловной, она блистала в «живых картинах», разыгрываемых в залах Зимнего дворца. Особенно удавалась ей роль Заремы в «Бахчисарайском фонтане».[11]

[10] *Михайлова О. И.* Портреты А. Д. Абамелек. С. 77–82.
[11] Там же. С. 83–89.

30 авг. 1842 г. И. А. Баратынский был произведен в генерал-майоры и назначен губернатором Ярославля; 14 марта 1846 г. переведен в той же должности в Казань. Анна Давыдовна становится главной попечительницей всех женских, детских, сиротских учебных и воспитательных учреждений Казани. За свои труды и постоянную заботу о них она в апреле 1856 г. была высочайше пожалована орденом Святой великомученицы Екатерины Малого креста, учрежденного Петром I. 31 дек. 1857 г. император Александр II освобождает И. А. Баратынского от должности казанского губернатора и назначает сенатором. Спустя год с небольшим по возвращении в Петербург И. А. Баратынский скончался (22 апр. 1859 г.) и был похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. Анна осталась вдовой в 45 лет.

Еще при жизни мужа 25 мая 1856 г. из Казани Анна Давыдовна обратилась к Вяземскому с письменной просьбой оказать содействие племяннику ее мужа выпускнику Московского университета Сергею Александровичу Рачинскому (1833–1902) в получении разрешения уехать за границу с целью усовершенствования своих знаний.[12] В марте 1857 г. Баратынская получила послание от Вяземского. Вместе с его стихами и прозой оно было доставлено неким Е. Пуховым, за восстановление которого в должности учителя или смотрителя Казанского учебного округа Вяземский настойчиво хлопотал вместе с вдовой Пушкина Натальей Николаевной и ее вторым мужем П. П. Ланским. В ответном письме Анна Давыдовна выразила благодарность за «милую прозу и прелестные стихи, полные чувства, правды и глубоких убеждений», и обещала принять посильное участие в судьбе опального казанского чиновника.

Последующая переписка велась за границей в Германии. Врачи настойчиво рекомендовали Вяземскому сменить сырой петербургский климат на более благоприятный для его ухудшающегося здоровья. Весной 1873 г. Петр Андреевич вместе с женой Верой Федоровной поселились в маленьком немецком курортном городке Бад-Гомбурге (Homburg vor der Höhe) – «Гомбург пред высотами» – как называл его Вяземский. Они сняли виллу на Кисселеффштрассе, 31 – улице, названной в честь гр. С. С. Киселевой (урожд. Потоцкой), по одной из гипотез, вдохновившей Пушкина на создание поэмы «Бахчисарайский фонтан». Здесь Вяземский провел последние четыре с половиной года своей жизни. Летом он выезжал ненадолго в близлежащие курорты: Бад-Эмс, воспетый им в нескольких стихотворениях, в том числе «Красивый Эмс» (1875) (Т. 12. С. 494–495), Югенхайм, близ Дармштадта, куда приезжала отдыхать императорская семья, Баден-Баден, с которым его связывали печальные воспоминания: там была похоронена его младшая дочь Надежда (1822–1840). Впервые он побывал там весной 1854 г. В записной книжке 21 марта (2 апр.) Вяземский отметил: «Вчера был я в первый раз в жизни в Баден-Бадене. Познакомился с могилою Наденьки и был в комнатах, где жил и скончался Жуковский» (Т. 10. С. 118). Под этим впечатлением было написано стихот-

[12] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 1–2. Вероятно, при содействии Вяземского Рачинский вскоре уехал в Европу, где продолжил обучение в университетах Германии.

ворение «Баден-Баден» (1854–1855?).[13] Однажды по приглашению королевы Вюртембергской Ольги (дочери Николая I) Вяземский провел несколько дней в Фридрихсхавене на королевской даче на берегу Боденского озера. Здесь состоялась его встреча с французской экс-императрицей Евгенией (вдовой Наполеона III), которой он посвятил стихотворение «Современная легенда» (Т. 12. С. 496–500). Французский перевод этого стихотворения был послан ей через фрейлину Ольги баронессу Эвелину фон Массенбах (Т. 10. С. 287). В Бад-Гомбурге Вяземским были написаны последние стихотворения, в том числе «Осень 1874 года» и цикл «Хандра с проблесками», начата работа над первым томом Полного собрания сочинений.

Анна Давыдовна поселилась в летней столице Европы – Баден-Бадене. Она жила на вилле Гамильтон, принадлежавшей шотландскому аристократу герцогу Уильяму Гамильтону.[14]

Здесь происходит ее возвращение к активной литературной деятельности. Баратынская переводит стихи европейских поэтов на русский язык. В «Вестнике Европы» (1874–1877) появляются ее переводы из «Книги песен» Г. Гейне, «Ирландских мелодий» Т. Мура, стихотворений Г. Лонгфелло, Э. Гейбеля, А. Проктер и других, подписанные инициалами «А. Б.».[15] В то же самое время в Германии на русском языке она издает «Переводы немецких, английских и французских стихотворений» (Баден-Баден, 1876–1877; 2-е издание вышло в 1882 г.), подписывая их инициалами «А. Д. Б.». В совершенстве владея английским языком, Баратынская перевела для английского читателя лучшие произведения русских поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева и др. Значительную часть сборника, вышедшего в 1876 г. в Штутгарте под названием «Translations from Russian and German Poets by a Russian Lady»,[16] составили переводы девятнадцати пушкинских стихотворений.

В процессе работы Баратынская, как следует из переписки, неоднократно обращалась за советами к Вяземскому, посылая ему свои переводы. В то же время она постоянно поддерживала творческие замыслы Вяземского, искренне сожалея о том, что его собственные стихи переводятся на французский язык прозой: «Я бы на Вашем месте не позволила переводить прелестные стихи

[13] В дороге и дома. Собрание стихотворений князя Вяземского. М., 1862. С. 141–143 (под заглавием: «Баденские воспоминания»).

[14] Вилла Гамильтон в Баден-Бадене построена в 1808 г. по проекту Фридриха Вайнбреннера в качестве первого представительного здания за пределами тогдашних городских стен. Здание было заказано богатым деревенским доктором Алоисом Майером, который сдавал его в аренду уважаемым гостям курорта. В 1824 г. великий князь Леопольд купил виллу, поскольку часто посещал Баден-Баден в летние месяцы. В 1843 г. дом был передан великой княгине Стефании Богарне, вдове наследного принца Карла фон Баденского, в качестве вдовьей резиденции. После ее смерти здание перешло в руки ее дочери Марии Амалии и ее мужа Уильяма Гамильтона, 11-го герцога Гамильтона, в честь которого Вилла Гамильтон и получила имя. В настоящее время Дворец Гамильтон принадлежит банку Sparkasse Баден-Баден Гаггенау и служит его главным офисом.

[15] Имя переводчицы установила В. Стефанович. См. ее статью: Переводчица русских и немецких поэтов. С. 144–146.

[16] «Переводы русских и немецких поэтов русской леди» (*англ.*).

прозою, это просто грешно. Переведите прозою хоть *Чильд-Гарольда* или *Дон Жуана* Байрона – и никто не станет читать» (письмо от 24 нояб./6 дек. 1875 г.). Она оказывала содействие в продаже книги Вяземского, вышедшей в Майнце, и подготовке к печати нового сборника стихотворений, о чем также речь идет в письмах.

Публикуемая переписка Вяземского и Баратынской относится в основном к 1875–1877 гг. По своему содержанию она весьма разнопланова: здесь обсуждаются проблемы бытового характера (так, например, Вяземские поручают Баратынской наблюдать за обустройством могилы их дочери «Наденьки», похороненной в Бадене, о чем она дает подробный отчет). Но все же на первом месте стоят вопросы литературы и политики; оба корреспондента внимательно следят за газетной полемикой, развернувшейся по славянскому вопросу, и, будучи во многом единомышленниками, критически высказываются по адресу воинствующего славянофильства.

Отдельный, почти детективный сюжет публикуемой здесь переписки Вяземского с Баратынской составляет история с потерянными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны. Основные действующие лица этой истории – помимо самих Вяземского и Баратынской – великий герцог Баденский, Мария Максимилиановна, невестка великого герцога и внучка Николая I, российский император Александр II, его супруга императрица Мария Александровна, а также Мария Павловна, жена вел. кн. Владимира Александровича, третьего сына Александра II, урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская. Суть же истории, приоткрывающей завесу над некоторыми тайнами архива Елизаветы Алексеевны, заключается в следующем. Великий герцог Баденский (Гросс-Герцог) требует через Марию Максимилиановну доставить ему (или Баратынской – для последующей передачи баденскому дому) письма Елизаветы Алексеевны, которые, по-видимому, были на тот момент в России и которые Вяземский должен был получить от императрицы Марии Александровны (письмо Баратынской от 24 окт. / 8 нояб. 1876 г.). Из очередного письма Баратынской (от 4 нояб. 1876 г.) следует, что письма Вяземский прежде отсылал «через Государя» (Александра II). Впрочем, приписка на французском языке к этому же письму («Вы можете использовать письма покойной императрицы Елизаветы при условии, что вернете их герцогу Баденскому в целости и сохранности») позволяет предположить, что Баратынская подозревала, что письма эти на тот момент находились у самого Вяземского. Из письма от 10/22 дек. уже следует, что «письма отыскались». Впрочем, и два месяца спустя они так и не достигают баденского дома, и Мария Максимилиановна все еще просит через Баратынскую «ради Бога возвратить скорее письма Елис. Алексеев. Грос. Герцогу в Карлсруэ» (письмо от 26 янв./7 февр. 1877 г.). А летом 1877 г. письма, оказавшись в руках великой княгини Марии Павловны, которую обворовывают в поезде, по-видимому, исчезают.

На настоящий момент нам не удалось расшифровать ряд промежуточных звеньев истории с потерянными письмами Елизаветы Алексеевны. Во-первых, остается неясным, о каких именно письмах идет речь: тех ли письмах к матери, что принадлежали баденскому дому и с которых делались копии для великого

князя Николая Михайловича, опубликовавшего их впоследствии.[17] Действительно, по наблюдению. О. Эдельман, оригиналов писем, хранящихся ныне в архиве Карлсруэ, меньше, чем копий, хранящихся в ГАРФ. С другой стороны, известно, что копии для Николая Михайловича делали в Карлсруэ (в архивах имеется помета 1879 г.), и тогда остается неясным, почему они отправлялись в Россию, и непосредственно, императору Александру II. Вместе с тем можно предположить, что речь идет о письмах, которых в копиях Николая Михайловича и вовсе не было – письмах к другим лицам, например, сестре Амалии, или же письмах к Елизавете Алексеевне от матери.[18]

Последнее стихотворение, которое Вяземский посвятил Баратынской, – «Еще одно последнее сказанье» («Последние я доживаю дни…») (Т. 12. С. 479). Желая отвлечь престарелого князя от мрачных переживаний и поддержать его творческие силы, Анна Давыдовна 7 мая 1876 г. отвечает ему: «Очень тронута Вашим *Посвящением*, но Вы не отец Пимен! Авось мы еще прочтем и услышим много сказаний Вашего славного пера и благозвучной лиры. В стихах и прозе одинаково светел Ваш ум и свежа Ваша память. Живите, пишите, если Бог даст мне дожить до лета, приеду обнять Вас и Княгиню».

В октябре 1878 г. Вяземский перенес воспаление легких. Здоровье его резко ухудшилось, и Вера Федоровна, следуя поэтическому завещанию мужа:

«Уж если умереть мне на чужбине,
Так лучше здесь,
В виду родных могил…»[19]

велела перевезти его в Баден-Баден. Здесь в отеле «Beau Séjour» на Луизенштрассе, 2, его навещала Анна Давыдовна. Ей выпало присутствовать при последних днях поэта. Вяземский скончался 10 нояб. 1878 г. в 11 часов пополудни. В русской церкви на Шиллер-штрассе, 5, духовник князя протоиерей Александр Андреевич Измайлов из придворной Крестовоздвиженской церкви в Карлсруэ отслужил панихиду, на ней присутствовали все находившиеся в Баден-Бадене русские во главе с принцессой Баденской Марией Максимилиановной. Согласно воле супруги гроб с телом князя вместе с останками дочери Надежды, погребенной в Баден-Бадене 38 лет назад, был перевезен в Петербург и 13 нояб. 1878 г. после панихиды в Казанском соборе предан земле на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Вера Федоровна Вяземская вплоть до смерти в 1886 г. жила в Баден-Бадене на Мария-Виктория-штрассе. Она была похоронена вместе с мужем и дочерью. Письма Вяземского после его смерти оказались у сына Павла и были возвращены им Анне Давыдовне с сопроводительным письмом в траурной окантовке:

---

[17] См.: *Николай Михайлович*, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна супруга Императора Александра I: в 3 т. СПб., 1908.

[18] Приношу сердечную благодарность О. Эдельман, которая высказала ряд ценных соображений, касающихся истории с утраченными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны, и поделилась информацией о состоянии ее фонда в архиве Карлсруэ.

[19] «Баден-Баден» // В дороге и дома. Собрание стихотворений князя Вяземского. С. 141.

«С искренней благодарностью возвращаю Вам автографы моего отца. Они лежат у меня два дня в конверте. Мне хотелось их, было, привезти к Вам на дачу, но, к сожалению, не мог улучить минуту, чтобы совершить это путешествие.

Примите уверение в сердечной преданности и глубочайшем уважении Вашего покорного слуги Павла Вяземского.

31 мая 1879».[20]

Анна Давыдовна Баратынская пережила Вяземского на десять лет. Она скончалась 13 февр. 1889 г. в Петербурге и была похоронена рядом с мужем Ираклием Абрамовичем на Новодевичьем кладбище. По некоторым сведениям, Анна Давыдовна Баратынская перед смертью завещала все свое состояние Воскресенскому Новодевичьему монастырю. После октябрьской революции 1917 г. могилы Баратынских были уничтожены, а место захоронения предано забвению. Спустя почти век благодаря усилиям армянских общественных деятелей и армянской церкви было найдено место, где находились могилы, и 1 окт. 2014 г. в торжественной обстановке был освящен восстановленный надгробный памятник Ираклию и Анне Баратынским.

Дошедшая до наших дней переписка П. А. Вяземского и А. Д. Баратынской в общем объеме составляет 51 письмо: 10 писем Вяземского, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома,[21] одно письмо – в РГАДА[22] и 40 писем Баратынской (в том числе записки и телеграммы) – в РГАЛИ.[23]

Публикуемые ниже письма воспроизводятся по автографам, орфография приведена в соответствие с современными нормами.

[20] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 202.

[21] Там же, № 201.

[22] РГАДА, ф. 1609, оп. 1, № 33.

[23] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398.

1. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Kazan le 25 mai 1856

Cher Prince, je viens demander votre puissante protection pour un neveu de mon mari (fils de sa soeur Ratchinsky) jeune homme qui a terminé ses études de le façon la plus brillante avec la grade de maitre-es-arts à l`Université de Moscou, et que le Professeur Fisher désigne comme le meilleur de ses élèves. C. Ratchinsky n`obtient pas la faveur d`être envoyé à l`étranger *aux frais de la couronne*, il sollicite celle d`y aller à ses propres frais. Seulement que le Ministère et l'Université le munissent de lettres de recommandation et des privilèges accordés aux jeunes gens envoyés aux frais de la Couronne. L'ambition de ce jeune homme est d'obtenir avec le temps une chaire de professeur de botanique; vous comprendrez donc le prix qu'il attache à un voyage sous les auspices du gouvernement. Mon mari et moi nous pouvons vous certifier que notre protégé est un garçon qui a reçu une éducation parfaite et des principes qui ferons partout honneur à nos Universités. Il parle en perfection quatre langues vivantes, et on le dit très fort en latin.

Chargez-vous cher Prince de mettre une instante prière sous les yeux de Mr. Le Ministre dont la bonté et la justice me sont trop connus pour que je ne compte pas sur son agrément.

Mille amitiés de cœur à la
Princesse et autant pour vous
mêmes de la part
de votre bien dévouée
Annette Baratinsky
T<ournez> S<il vous> p<laît>

Voici une note abrégée de la présenation que l'Université de Moscou doit faire au Ministre.

[ПЕРЕВОД]

Казань 25 мая 1856 г.

Дорогой Князь, я прошу Вашей могущественной поддержки относительно племянника моего мужа (сына его сестры Рачинской), молодого человека, окончившего самым блистательным образом свое обучение в Московском университете, где он получил степень магистра искусств и которого профессор Фишер называет лучшим из своих учеников. С. Рачинский не имел чести быть посланным за границу *за государственный счет*, он испрашивает дозволения отправиться туда за собственный счет. Главное, чтобы министерство и университет снабдили его рекомендательными письмами и теми привилегиями, которые обыкновенно имеют молодые люди, посылаемые за границу за императорский счет. Этот молодой человек мечтает со временем получить кафедру профессора ботаники[2]; Вы понимаете теперь, почему он придает такое большое значение путешествию, совершаемому при поддержке правительства. Мы с мужем можем Вас уверить, что наш протеже – молодой человек, получивший прекрасное воспитание и который обладает принципами, способными сделать

честь уровню обучения в наших университетах. Он владеет в совершенстве четырьмя языками и, говорят, очень силен в латинском языке.

Соблаговолите, дорогой Князь, адресоваться с просьбой к господину министру, чья всем известная доброта и справедливость позволяют мне надеяться на его участие.

Тысячу сердечных приветов
Княгине и столько же Вам
посылает преданная Вам
Аннетта Баратынская.
Смотрите на обороте
(*фр.*)

Вот краткий текст представления, с которым университет должен обратиться к министру[3]

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 1–2 об.

[2] Речь идет о племяннике И. А. Баратынского *Сергее Александровиче Рачинском* (1833–1902), выпускнике Московского университета (1853), любимом ученике профессора Г. И. Фишера. В 1856 г. С. А. Рачинский действительно уехал в Германию для продолжения учебы. Впоследствии стал известным ботаником и математиком, членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

[3] Текст данного представления в документах А. Д. Баратынской не сохранился.

2. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

<28 февраля 1857 г.>

Позвольте мне, любезнейшая и милейшая Воеводка,[2] напомнить Вам о себе прозою и стихами. Удостойте мой сердечный поклон и пословное приношение милостивого и черноокого Вашего взгляда. А между тем вот и нижайшая просьба. Вы знаете Г. Пухова[3] ближе и лучше меня. Патриотизм Пухова разорил его в пух. Он французов и англичан не видал, а место свое потерял. Про него, можно сказать, qu'il n'a pas été à la chasse et a perdu sa place.[4] Ланские[5] убедительно и неутомительно о нем просят. Я пишу к попечителю и умоляю его дать, или лучше сказать, возвратить ему место в своем округе. Помогите и Вы этому доброму делу силою своего изустного и глазного красноречия и убедительностью сердечного участия. Попросите и любезнейшего Воеводу, которому прошу передать мое дружеское приветствие, подкрепить просьбу мою при генерале Молоствове,[6] или определить его к другому месту по своему ведомству, если в настоящее время нет вакансии по учебному ведомству.

Жена моя[7] нежно Вам и генералу кланяется. Припадаю к Вашим ножкам с почтением и неизменною преданностью.

Вяземский
С. Петербург
28 февр. 1857 г.

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 1–1 об.

[2] Шутливое обращение вызвано тем, что в 1842 г. муж Анны Давыдовны Ираклий Абрамович Баратынский был назначен военным и гражданским губернатором Ярославля, а в мае 1846 г. переведен генерал-губернатором в Казань.

[3] *Пухов* – чиновник Казанского учебного округа.

[4] …что он на охоте не бывал, а место свое потерял *(фр.)*. Вяземский перефразирует здесь пословицу: Qui va à la chasse perd sa place.

[5] Вероятно, речь идет о Петре Петровиче и Наталье Николаевне (урожд. Гончаровой, в первом браке Пушкиной) *Ланских*, пользовавшихся репутацией людей, сочувствующих чужому горю.

[6] *Молоствов Владимир Порфирьевич* (1794–1863) – генерал-лейтенант, сенатор, попечитель Казанского учебного округа (22 мая 1847–12 мая 1857).

[7] Здесь и далее упоминается *В. Ф. Вяземская* (урожд. княжна Гагарина) (1790–1886) – жена П. А. Вяземского с 1811 г.

3. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<28 марта 1857 г.>

Благодарю Вас, любезнейший Князь, за Вашу милую прозу и прелестные стихи, полные чувства, правды и глубоких убеждений, которые я читаю и твержу наизусть с наслаждением.

Все, что можно будет сделать для Е. Пухова, будет исполнено. Еще до отъезда его в Петербург ему предлагали место учителя или штатного смотрителя, но он тогда бредил одним Петербургским мундиром, саблей, и слышать не хотел о другом. Этот восторженный воин на деле пустой и беспокойный человек. Entre nous soit dit je le crois un peu fou.[2]

Поездка в Вятку его свела с ума. Он себя уже видел генералом и чуть ли не более. Теперь несколько успокоился. Хотя влияние моего *черного ока* очень слабо в сравнении с Вашим могучим покровительством, но обещаю Вам и милым Ланским принимать в Пухове посильное участие. Я у него в долгу за то, что он мне доставил Ваше письмо и стихи. Сердечно кланяюсь Княгине, Князю Павлу и его жене.[3] Не забывайте нас и будьте уверены, что я и муж дорожим и дружбой и памятью Вашей.

Христос Воскресе!

Анна Баратынская.
Казань
28 марта
1857.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 3–4.

[2] Между нами говоря, я нахожу его несколько сумасшедшим (*фр.*).

[3] Имеются в виду В. Ф. Вяземская, Павел Петрович Вяземский (1820–1888) и Мария Аркадьевна Вяземская (урожд. Столыпина) (1819–1889).

4. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<Б. д.>

J'irai à l'instant même chez la Grande Duchesse et tout ce qui sera en mon pouvoir je le ferai' soyez en sûre. Mille bonjours et mille amitiés.

A. Baratinsky.

Je viendrai vous rendre compte de ma visite.
Его Сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

[ПЕРЕВОД]

Иду сейчас к Великой Княгине.[2] Будьте уверены, что я сделаю все, что в моих силах. Тысячу приветов и пожеланий.

А. Баратынская.

Я напишу Вам о результатах моего визита (*фр.*).

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 5.

[2] Вероятно, имеется в виду великая княгиня *Екатерина Михайловна* (1827–1894), дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны; в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая. Екатерина Михайловна занималась благотворительной деятельностью и была покровительницей нескольких благотворительных учреждений.

5. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<Август 1866>
Телеграмма № 47.
Подано в Ораниенбауме 15 Августа 1866 г. 4 ч. 10. м. по п.
Получено в Александрии 15 Августа 1866 , 4 ч. 20 м. по п.

Во Дворце.[2] Его Сиятельству Князю Вяземскому.
Их Высочества просят Вас завтра на вечер в Китайский дворец.[3]

Баратынская.

Верно: Майор Новгородцев

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 6 а.

[2] Дворец, или Дворец Коттедж, построен в Александрии в неоготическом стиле в 1826–1829 гг. для семейства Николая I (архитектор А. А. Менелас).

[3] Китайский дворец – дворец, расположенный в юго-западной части дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум». Построен по проекту Антонио Ринальди в 1762–1768 гг. для императрицы Екатерины II. Свое название получил благодаря тому, что некоторые его интерьеры отделаны в китайском стиле шинуазри.

6. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

Homburg v. d. höhe[2]
28 авг. / 9 сент. 1875

Не знаю, вселюбезнейшая Анна Давыдовна, имеете ли Вы телеграмм от В. К.[3] На всякий случай посылаю Вам копию с полученного мною.

Впрочем, может быть, она телеграмма нашего и не получила.[4] А узнала о нем чрез Г-на Нумерса,[5] управляющего делами ее, который теперь здесь и кому говорил и о нашем поздравлении. Слово communication[6] утверждает меня в этом предположении. Как бы то ни было, довольно глупа наша Мюнхенская печать, если она не отправила телеграмма по принадлежности и относится к нам благородным молчанием. Как доехали Вы до своего Баденского очага? Я к своему довольно хорошо.[7] Жена благополучно совершила свою

благочестивую поездку в Висбаден[8] – она Вам дружески и нежно кланяется, радуется надежде Вас здесь видеть и ожидает под нашим гостеприимным кровом. Погода здесь великолепная. Многие уже разъехались и разъезжаются. Сезон при последних издыханиях. И мы скоро вступим в свой régime cellulaire.[9]

Передайте мой поклон добрым Баденским людям, которые помнят меня, а в особенности мадам Марченко[10] и Колошину.[11] Правда ли, что Соллогуб[12] сюда будет и хочет устроить здесь спектакль? Княгиня Шаховская-Стрешнева[13] ожидает его.

Неизменно Вам преданный

Вяземский.

Простите мне великодушно мои чернильные страсти. Старость одолела или младенчество: в письме маленько пачкаюсь. Виноват!

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 3–4 об.

[2] Бад-Гомбург (Хомбург) фор дер Хёе (Bad Homburg vor der Höhe) – германский город в земле Гессен был в конце XIX – начале XX в. излюбленным курортом российской аристократии. П. А. и В. Ф. Вяземские поселились там весной 1873 г., сняв виллу на Кисселефф-штрассе, 31 (улица была названа в честь гр. С. С. Киселевой, урожд. Потоцкой, игравшей в казино Бад-Гомбурга и построившей на этой улице четыре дома).

[3] См. п. 4, примеч. 2.

[4] Речь идет о поздравительной телеграмме. Великая княгиня Екатерина Михайловна родилась 16/28 авг. 1827 г.

[5] *Нумерс Алексей Федорович* (? –1887) – сын инспектора Царскосельского лицея Ф. Е. Нумерса, выпускник Лицея V курса 1829 г. Был тайным советником, управляющим двором вел. кн. Екатерины Михайловны.

[6] Communication (*фр.*) – сообщение.

[7] Вероятно, Вяземский имеет в виду возвращение его и Баратынской из Фридрихсхавена. См. запись в «Старой записной книжке» от 17 (29) авг. 1875 г.: «Вчера с Баратынской ездили к Марии Максимилиановне. Не застали. Вечером играли в secrétaire» (Т.10. С. 281).

[8] В Висбадене (нынешняя столица земли Гессен), который Вяземский упоминает как место паломничества своей жены, имелась православная церковь Св. Елизаветы, сооруженная в 1848–1855 гг. на горе Нероберг (Неронова гора) герцогом Адольфом-Вильгельмом Нассауским, великим герцогом Люксембургским, в память о своей рано умершей жене вел. княгине Елизавете Михайловне (1826–1845), дочери вел. кн. Михаила Павловича. Рядом с церковью в 1856 г. в Висбадене возникло и русское кладбище, одно из старейших русских православных кладбищ в Европе. См. также статью Вяземского «Освящение церкви во имя Святыя Праведныя Елисаветы, в Висбадене. 1855» (Т.7. С.5–15).

[9] régime cellulaire (*фр.*) – одиночное заключение.

[10] *Марченко Екатерина Петровна* (1816–1900) – старшая дочь дипломата П. Я. Убри, жена дипломата Ивана Авраамовича Марченко.

[11] *Колошин Иван Петрович* (1827–1891) – камергер, дипломат, русский поверенный в делах в герцогстве Баденском.

[12] *Соллогуб Владимир Александрович*, гр. (1813–1882) – прозаик, драматург. Принимал активное участие в подготовке празднования юбилея 50-летней литературной деятельности П. А. Вяземского.

[13] *Шаховская-Глебова-Стрешнева* (урожд. фон Бреверн) *Евгения Фёдоровна*, кн. (1846–1924) – общественная деятельница, жена эстляндского губернатора, последняя владелица подмосковной усадьбы Покровское-Стрешнево.

7. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б.
12 сент. 1875

Глубоко тронута Вашим милым вниманием, многоуважаемый Князь, но я уже *до* письма и депеши отыскала Екат. Мих. и писала о Вас и о нашем безуспешном поздравлении. Отвечая мне, Вел. Княгиня назначает мне свидание в Румпенгейме,[2] умалчивая о времени. К горю моему, это будет, вероятно, не прежде октября – тогда только удастся воспользоваться и гостеприимным Вашим приглашением и увидеть после долгой разлуки дорогую Княгиню, которую так искренне люблю и уважаю. Приятно и лестно мне думать, что мое посещение доставит Вам удовольствие, для меня же возобновится истинное наслаждение Вас слушать и дивиться Вашей свежей памяти и вовсе *не старческому* уму. Баденские друзья Вам усердно кланяются, особенно мад. Марченко.[3] *Он* же пустеет и глупеет с каждым днем.[4] Убри[5] здесь, Будберг[6] вернулся и у ног княг. М. Оболенской.[7] Имп. Августа[8] приехала. Город воздвиг Императору мраморный памятник, против Trinkhalle[9] славный бюст Его, работы Копфа.[10] Собирали деньги и с гостей, и Русские отказались наотрез при громком порицании памятника и распорядителей сбора. Итак до свидания, любезнейший Князь! Извините мою дрожащую руку. С некоторого времени я могу писать четко одним карандашом.

От души преданная
А. Баратынская.

Соллогуб уехал на днях. Кажется, в Париж.

---

1 РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 7–8.

[2] Замок Румпенгейм (Rumpenheimer Schloss) – резиденция графов Кессен-Касслер на берегу реки Майн близ г. Оффенбах. Замок XVII–XVIII вв. с прилегающим к нему парком в начале XIX в. служил местом пребывания для европейских монархов.

[3] Имеется в виду Е. П. Марченко (см. примеч 10 к п. 6).

[4] Вероятно, Баратынская имеет здесь в виду ее мужа И. А. Марченко (1807–?).

[5] *Убри Павел Петрович*, гр. (1818–1896) – тайный советник, «правая рука» канцлера А. М. Горчакова. В 1871–1879 гг. был русским послом в Германии.

[6] *Будберг Андрей Федорович* (Андрей Людвиг Карл Теодор фон Будберг), барон (1817–1881) – русский дипломат, действительный тайный советник, посол в Берлине, Вене и Париже. Был женат на младшей дочери П. Я. Убри Марии Петровне Убри (1819–1913), гофмейстерине Марии Павловны, великой княгини, великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенах.

[7] Речь, вероятно, идет об *Оболенской Марии Александровне* (урожд. кн. Львовой, 1831–1909), дочери гофмейстера, тайного советника кн. Александра Дмитриевича Львова (1798–1806), жене (с 1850 г.) кн. Иродиона Андреевича Оболенского (1820–1891). По словам французского историка Фредерика Лолье, у ног княгини Оболенской находился сам император Вильгельм I. Муж же ее, Иродион Андреевич, считался безупречным рыцарем, хотя она держала его в повиновении (см.: Заграничные столичные новости и мелочи // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 350).

[8] *Саксен-Веймар-Эйзенах Августа-Мария-Луиза-Катерина* (1811–1890) – дочь великой княгини Марии Павловны, приходилась тетушкой Александру III. Супруга императора Вильгельма I, королева Пруссии и первая германская императрица.

[9] Trinkhalle – павильон минеральных вод.

[10] Имеется в виду бюст кайзера Вильгельма I работы скульптора Йозефа фон Копфа (1827–1903).

8. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

Homburg v.d. höhe
4 окт. /5 нояб.1875

Очень я рад, любезнейшая Анна Давыдовна, что угодил Вам присланною моей патриархальной картиной. Но сожалеем, что Вам не удалось посетить Патриархшу и Патриарха.[2] А они были бы очень рады приветствовать Вас и угостить в своей смиренной куще. Но Вам было не до нас. Вы согревались у Имперского Солнца и совершенно обнемаркались и опруссачились. За то налагаю на Вас епитимью. В прогулках Ваших зайдите к девицам Маркс[3] и проведайте, продали ли они что-нибудь из моих книжек, с переводом некоторых стихотворений на французский язык[4] – и сколько именно и что выручено? Выручка предоставляется бедному переводчику. А знаете ли, что аз грешный воспел Императрицу Евгению?[5] Вот еще епитимья: мне хочется напечатать эти стихи в Карлсруэ, разумеется, стихи русские. Переговорите о том с Колошиным?[6] Вы и он могли бы наблюдать за печатаньем и корректурою. Извольте-ка о том подумать и благоволите дать мне ответ. А пока Ваш неизменно преданный Вяземский.

Не знаете ли, где теперь находится гр. Олсуфьева?[7]

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 5–6.

[2] Вяземский имеет в виду здесь себя и свою жену.

[3] Девицы *Маркс* (*Marx*) – дочери Д. Р. Маркса, владелицы после смерти отца (ок. 1870) его книжного магазина в Баден-Бадене.

[4] Вяземский имеет в виду сборник стихотворений, вышедший в 1874 г. в Майнце под названием «Quelques poésies du prince Wiasemski, traduites du russe par Hippolyte Auger» (Mayence, 1874).

[5] Речь идет о стихотворении «Современная легенда» (опубл.: Т. 12. С. 496–500), написанном под впечатлением от встречи с французской экс-императрицей Евгенией (1826–1892), вдовой Наполеона III. Эта встреча произошла в 1875 г. в Фридрихсхавене у королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, дочери Николая I. Французский перевод стихотворения Вяземский вместе с письмом послал Евгении через баронессу Эвелину фон Массенбах, фрейлину великой княгини Ольги (см.: Т. 10. С. 287).

[6] См. п. 6, примеч 11.

[7] *Олсуфьева* (урожд. Миклашевская) *Александра Андреевна*, гр. (1846–1929) – дочь украинского фарфоропромышленника Андрея Михайловича Миклашевского (1798–1895) и Дарьи Васильевны Олсуфьевой, фрейлина императрицы. Ее муж (приходился ей родным дядей) – Алексей Васильевич Олсуфьев, гр. (1831–1915) – генерал от кавалерии, писатель, почетный опекун Московского Присутствия Ведомства учреждений императрицы Марии, директор Измайловской военной богадельни императора Николая I. С конца XIX в. Олсуфьева проживала в Сан-Ремо на собственной вилле «Русалка».

9. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б.
3 ноября 1875

Многоуважаемый Князь. Благодарю за дорогой подарок – с умилением буду глядеть на четыре поколения славного рода и желать родоначальникам

с потомством всяких благ. Напишите словечко о себе и Княгине! Что у Вас делается? Здоровы ли Вы? Что Вам пишут из Петербурга? У нас ненастье, но погода поправилась – у меня гости: племянница Баранова с дочкой.[2] Княг. Ел. Кочубей[3] еще здесь в большой дружбе с Maman Скобелевой,[4] надолго ли? не знаю. Гр. Бобринский,[5] прибывший сюда на охоту, привез грустные вести из Москвы; там много семейств разорено[6] – Щербатовы[7] потерпели всех более. Кн. Из. Гагарина[8] в дороге, на днях и ее ожидаем. В. С. Плессен[9] здорова и вам кланяется. Других новостей нет. Обнимаю от души дорогую Княгиню и благодарю вас обоих за милую память.

Всем сердцем преданная
А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 9–9 об.

[2] *Баранова Анна Алексеевна* (урожд. кн. Васильчикова), гр. (1823/1827–1890) – дочь А. В. Васильчикова, внучка генерала И. П. Архарова. Дочь ее, о которой идет речь в письме, – *Баранова Александра Павловна* (1854–1934), впоследствии фрейлина, была замужем за тайным советником, сенатором Сергеем Алексеевичем Лопухиным (1853–1911).

[3] По-видимому, речь идет о Елене Сергеевне Волконской (1836–1916), дочери С. Г. и М. Н. Волконских, в первом браке – Молчановой, во втором – Кочубей, в третьем – Рахмановой.

[4] Вероятно, *Скобелева* (урожд. Полтавцева) *Ольга Николаевна* (1823–1880) – жена генерала Д. И. Скобелева и мать генерала М. Д. Скобелева.

[5] *Бобринский Алексей Васильевич*, гр. (1831–1888) – егермейстер, член Гос. совета и московский губернский предводитель дворянства (1875–1883).

[6] Речь идет о банкротстве в октябре 1875 г. Московского коммерческого ссудного банка.

[7] Вероятно, речь идет о семействе московского городского головы Щербатова Александра Алексеевича (1829–1902).

[8] *Гагарина* (урожд. гр. Валевская) *Изабелла Адамовна*, кн. (1800–1886) – вдова обергофмейстера С. С.Гагарина (1795–1852).

[9] *Плессен Варвара,* фон (урожд. Гагарина) (1825–1893) – жена (с 1853 г.) барона Отто фон Плессена (Otto von Plessen, 1814–1897), датского посланника, известная детская писательница (печаталась в 1870-е гг. под псевдонимом Баронесса В. С. Пл-н (см.: *Баронесса В. С. Пл-н*. Детские колыбельные песни и прибаутки. Страсбург, 1870).

10. А. Д. Баратынская – П.А. Вяземскому[1]

Б. Баден 7 / 19 нояб. 1875

У старых дев было 30 книжек – мы раскупили 10, остается 20. Я хотела по Вашему желанию взять эти *20* к себе, но Mlle Rosalie[2] советует оставить их до весны в ее лавке. Как прикажете? Колошин в Карсруэ, если не уехал к матери в Швейцарию. Во всяком случае, напишите ему прямо словечко – он Вам даст объяснение, почему дорого печатать русское стихотворение, или напечатает и пришлет Вам корректуру. У нас погода отвратительная и мертвая тишина. Все разъехались, кто в Вену, кто в Париж. Марья Максим.[3] в Кварто[4] к опасно больной Вел. Княг. В Штутгарте очень опечалены смертию дитяти.[5] Вер. Конс.[6] мне очень трогательно ответила на мою депешу.

Христос с Вами и Вашими! Будьте здоровы и верьте в мою неизменную дружбу и сердечное уважение.

А. Баратынская

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 10–10 об.

[2] Имеется в виду Розали Маркс (? –1882).

[3] *Мария Максимилиановна* – великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская (в замужестве принцесса Баденская) (1841–1914), вторая дочь в семье великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852). Внучка императора Николая I и правнучка Жозефины Богарнэ.

[4] *Кварто* – вилла во Флоренции, где в 1863–1775 гг. проживала великая княгиня Мария Николаевна, была куплена ею у А. Н. Демидова, князя Сан-Донато, которому она досталась в качестве приданого за его женой Матильдой Бонапарт.

[5] Первенец великой княгини Веры Константиновны Евгений умер в 1875 г. в возрасте семи месяцев.

[6] *Вера Константиновна* – великая княгиня, в замужестве герцогиня Вюртембергская (1854–1912) – младшая дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. С девятилетнего возраста воспитывалась в Штутгарте в семье своей тетушки, великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртемберга, которая была бездетна.

11. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б.

8 ноября 1875

Любезнейший Князь.

Поручения Ваши исполнены. Переводы еще не проданы у Маркс, но мы устроили так, что продается по крайней мере часть оных. В Бадене, за исключением кое-каких соотечественников наших, мало читающей публики.

Колошин берется охотно за напечатание Вашей поэзии в честь Имп. Евгении, но предупреждает Вас, что это обойдется Вам очень дорого – от корректуры же он отказывается наотрез за незнанием достаточно языка, знаков препинания и проч.

Вот его отзыв и подлинные выражения, но посылать к Вам корректурные листы он готов. Погода у нас ужасная! ветер воет, льют дожди день и ночь – в настоящую минуту ревет грозно; гром, молния!

Гагарины[2] приехали вчера, здоровы и довольны. Все здесь им рады. Они блаженствовали в Крыму, прожили 2 недели в Вене и из Вены прямо прибыли сюда, не останавливаясь в Штутгарте. Княгиня очень довольна нашим Двором. Гр. Олсуфьева в деревне близ Москвы. *Скоропадская*[3] будет сюда на днях, на всю зиму.

Рада бы писать более, но плохо владею рукой. Это для меня истинное горе, но что делать. Надо платить дань времени. Благодарю Бога, что не отнял более. Обнимаю от души Княгиню и, с позволения Княгини, обнимаю Вас.

А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 11–12.

[2] *Гагарин Сергей Сергеевич*, кн. (1832–1890) – шталмейстер Высочайшего двора, коллекционер, почетный член Академии художеств, владелец усадьбы Теньки Казанской губернии. Жена – Вера Федоровна (урожд. гр. Пален, 1836–1923).

[3] *Скоропадская* (урожд. Миклашевская) *Мария Андреевна* (1839/1841–1900/1901) – дочь Андрея Михайловича Миклашевского от брака его с Дарьей Александровной Олсуфьевой, жена Петра Ивановича Скоропадского. См. примеч 2 к п. 12.

12. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден
24 нояб./6 дек. 1875

Извините, что так долго не писала, дорогой Князь. У меня были больные и много забот. За 10 разобранных книг выручено 20 марок, которые я Вам завтра перешлю по почте. Я бы на Вашем месте не позволила переводить прелестные стихи прозою, это просто грешно. Переведите прозою хоть *Чильд-Гарольда* или *Дон Жуана* Байрона – и никто не станет читать. Скоропадского[2] благодарите за память сынов, etc. Миша еще жив, но в том же жалком положении![3] Вел. Княг. М. Н. доехала живою до Петербурга. Вчерашняя депеша Мар. Максимил. гласит: Maman très faible et fatiguée, grande émotion du retour[4]. Говорят, что желудок не варит и пища в рот не идет. От души обнимаю Вас и Княгиню, остаюсь до гроба преданная Вам

А. Баратынская.

Кн. Сер. Гагарин пробыл здесь 6 дней с женой. Сегодня уезжают в Россию.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 13–13 об.

[2] Имеется в виду *Петр Иванович Скоропадский* (1834–1885) – черниговский помещик, полковник, участник Кавказской войны. В браке имел двух сыновей Михаила (1871–1910-е) и Павла (1873–1945; генерал, гетман Украины) и дочь Елизавету (1879–1899).

[3] Миша – сын П. И. Скоропадского. В 2,5 года заболел остеомиелитом, причиной которого врачи предполагали сифилис. В Страсбурге мальчика прооперировал знаменитый немецкий хирург Альберт Люкке. Впоследствии в Петербурге консилиум из пяти известных медиков, в том числе и специалиста-сифилидолога, установил, что Михаил страдал только неврастенией. Дальнейшим его лечением занимался академик В. М. Бехтерев. См.: *Акименко М. А.* «Единственный мой благодетель». Владимир Бехтерев и Михаил Скоропадский. Адрес электр. доступа: old.consililium-medicum.com/media/bechter/05_04/38.sht

[4] Матушка очень слабая и уставшая. Под сильным впечатлением от возвращения (*фр.*). Речь идет о великой княгине Марии Николаевне, желавшей умереть непременно на родине. Как только она поняла, что серьезно больна, она вернулась из Флоренции в Петербург.

13. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

13/25 янв. 1876

Кажется, я у Вас в долгу, вселюбезнейшая Анна Давыдовна. Если так, то приношу повинную голову. Но сердце мое неповинно пред Вами. Впрочем, всё это время мне как-то нездоровилось, а потому к Вам и не писал. Интересного отсюда писать нечего. Да и перья здесь скверные. Писать ими неловко, и того и смотри, что распачкаешься пятнами. Боюсь испортить свойственную и прирожденную мне каллиграфию. Из Петербурга пишут, что там скучно и печально. Особенно вследствие болезни Великой Княгини и в виду скорой кончины ея.[2] Впрочем, у Вас верно хорошие корреспонденты в Петербурге,

и, вероятно, они аккуратнее моих. А что маленький больной Скоропадский?[3] Не у Вас ли вездесущий и всевнимательный Герцог Д'Оссуна?[4] Он прислал мне поздравительные карточки с Новым годом. Не знаю, куда послать ему свои. Жена моя шлет Вам дружеский привет, а я подношу Вам мои неизменно преданные чувства.

Вяземский.

Правда ли, что Д'Абзаки[5] снова сошлись на честном, законном, брачном ложе?

А вот Вам и доказательства в нечистоплотности и негодности здешних перьев. Не мог и кончить письмо без замарашки.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 7–8.

[2] Мария Николаевна умерла после долгой и тяжелой болезни 9 февр. 1876 г.

[3] См. примеч. 2 к п. 12.

[4] *Д'Осуна, дон Мариано Тельес Хирон* – 12-й герцог Осуна (1814–1882). В 1856 – 1868 гг.– глава дипломатического представительства Испании в России, направленного испанской королевой Изабеллой II по случаю восшествия на императорский престол Александра II. Посольство герцога Д'Осуны имело целью не только восстановление дипломатических отношений, но и развитие экономических связей с Россией. Д'Осуна сумел добиться того, что русское правительство заявило о желании создать постоянное представительство Испании в Петербурге.

[5] Д'Абзак Поль (полное имя – Jean-Louis-Paul **Abzac de Laserre;** 1838–1904) – французский дипломат. В 1880 г. стал кавалером ордена Почетного легиона, а в 1882 г. ему было присвоено звание генерал-консула. Был Генеральным комиссаром Франции на Всемирной выставке в 1885 г.

14. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Баден
26 янв./7 февр. 1876

Дорогой Князь. Ваше любезное письмецо меня очень обрадовало. Я воображала, что Вы покинули Гомбург, потому что не откликнулись на мое поздравление с Новым годом. Дай Бог Вам и Княгине В. Ф. много лет вожделенного здравия. Отвечаю на Ваши вопросы. Миша Скоропадский еще дышит; изумительная сила жизни в этом ангеле. Бедная мать не теряет надежды. Отец приехал на днях. Старик Миклашевский[2] у них проездом в Ниццу. У Гагариных гостит гр. Анна Баранова с второю дочерью, превысокою, но хорошенькой.[3] Едут они скоро обратно в Белокаменную, а прибыли из Парижа, где оставили Черкасских.[4] Старушка Убриль и Марченки очень довольны будущей свадьбой сына Будберга[5] с Соней Рибопьер.[6] Мария Максимилиановна писала ко мне от 5-го янв., что состояние Вел. Княгини М. Н. безнадежно; с тех пор больной лучше, но принц Вильгельм[7] мне сказал на днях, что надежды не осуществляются. Я собиралась ехать дня на три в Штутгарт, по данному Их Величествам обещанию, но отъезд Королевы меня остановил. Признаться, я рада отсрочке. Авось в марте погода будет сноснее. Что за тяжелая зима! Смерть Багратиона[8] меня очень опечалила; он был мне родственник и добрый приятель, и премилый человек. Баден очень пуст – по воскресеньям у меня собирается

оставшаяся часть соотечественников и кое-кто из туземцев, в том числе день ото дня более молчаливый В. Плессен. Мне хорошо дома, благодаря присутствию моей племянницы княгини Барановой и ее прелестной малютки. Вот все мои новости. Обнимаю от души почтеннейшую Княгиню и благодарю Вас за память. Что бы Вам мне написать посланьице в стихах! вот бы обрадовали.

Вам нежно преданная

А. Баратынская.

Мои перья не лучше ваших, а рука гораздо менее тверда. Не взыщите.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 14–15.

[2] *Миклашевский Андрей Михайлович* (1798–1895) – выпускник Благородного пансиона Царскосельского лицея, крупный украинский помещик и фарфорозаводчик. См. примеч. 7 к п. 8.

[3] См. примеч. 2 к п. 9.

[4] *Черкасский Владимир Александрович*, кн. (1824–1878) – российский государственный деятель, публицист, славянофил, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., крестьянской реформы 1864 г. в Польше. В 1868–1870 гг. – Московский городской голова. В 1876 г. в Париже писал историю крестьянского преобразования в России. С 1877 г. руководил устройством гражданского управления в Болгарии. Был женат на Екатерине Алексеевне Васильчиковой, родной сестре Анны Алексеевны Барановой.

[5] Речь идет об одном из сыновей Андрея Федоровича Будберга, подполковнике *Петре Андреевиче Будберге* (1849–1879).

[6] *Рибопьер Софья Ивановна*, гр. (1849–1919) – в замужестве Будберг, во втором браке замужем за бароном А. Б. Фитингоф-Шелем (1855–1926).

[7] *Людвиг-Вильгельм-Август Баденский* (1829–1897) – принц Баденский, политик, генерал. Был третьим сыном великого князя Леопольда Баденского (1790–1852) и принцессы Софии Шведской (1801–1865), дочери свергнутого шведского короля Густава IV Адольфа; женат на великой княгине Марии Максимилиановне.

[8] Речь идет о князе *Петре Романовиче Багратионе* (1818–1876) – племяннике героя Отечественной войны 1812 г. П. И. Багратиона. В 1845 г. был адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, сопровождал его в заграничных поездках. В 1852 г. получил звание флигель-адъютанта и прикомандирован к лейб-гвардии Конногренадерскому полку. В 1865 г. получил чин генерал-лейтенанта. За свои труды по инженерным и артиллерийским наукам о применении гальванизма к инженерному делу награжден орденом Св. Станислава III степени.

15. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

24 февр./7 марта <1876>

Очень я рад, что имею честь и удовольствие угодить Вашему Превосходительству или Вашей Превосходительности писаниями моими. Здесь Превосходительство относится не к табели о рангах: а к табели литературной, где Вы также кавалерственная дама, не меньшаго, а большаго креста. Вы превосходно знаете литературу нашу, и сами изволите заниматься ею с успехом. Следовательно, Ваше одобрительное слово много значит, таковым и есть оно в глазах моих и в сердце моем. Хотя от Ваших снисходительных похвал, по правде, приходится и многое урезать, но все же остается еще довольно, чтобы насытить и напоить мой самолюбивый голод и жажду мою. Если ничего нет сказать Вам из Бадена, то, тем паче, ничего не придумаешь сказать из Гомбурга. Весна будто показалась, но весна с дождями, бурями. Я всё еще не могу

освободиться от своего катара. Часто должен сидеть дома: а между тем свежий воздух мне нужен. Моя Пенелопа, которая всё вышивает ковры, передает Вам тысячу нежностей. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Когда в свободный час вздумаете писать ко мне, скажите словечко о графине Олсуфьевой. Хотел бы я послать ей мою тетрадку, но не знаю, как и куда. А что бедная сестра ея и маленький страдалец?

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 9–10.

16. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<25 февраля 1876>

Многоуважаемый Князь. Я в восхищении от Вашего творения. Письмо к Оболенскому[2] прелесть. Письмо о Н. И. Тургеневе (Рус. Арх. № 2) совершенство![3] тут *все*: и ясность, и добросовестное суждение, знание лиц и обстоятельств, чудный взгляд на дело и что за слог! Не Вам жаловаться на старость и Гомбургские перья. Не худо бы нашим молодым витиям занять у Вас хоть одно перышко.

Стихи на смерть Погодина прекрасны.[4] Подарите нас и вздохом на смерть В. К. Марии Ник. Я уверена, что от избытка сердца заглаголет струна. Очень жаль Вел. Княгиню![5] У нас нет ничего нового. Нежно обнимаю почтеннейшую Княгиню и благодарю Вас за присланное письмо о Нелединском.[6]

Остаюсь от души преданная вам

А. Баратынская.
25 февраля 1876
Баден-Б.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 16.

[2] Имеется в виду «Письмо князя П. А. Вяземского к князю Д. А. Оболенскому – издателю хроники недавней старины» (см.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 7. С. 383–404).

[3] Речь идет о разделе II статьи П. А. Вяземского «По поводу бумаг В. А. Жуковского. Два письма князя П. А. Вяземского к издателю “Русского архива”», посвященного одному из идеологов декабристского движения, политическому эмигранту, автору 3-томного сочинения, изданного на фр. яз «La Russie et les Russes” («Россия и русские»), содержащего программу либеральных преобразований в России, Н. И. Тургеневу (1789–1871) (Русский архив. 1976. № 2. С. 412–424).

[4] Т. е. стихотворение П. А. Вяземского «Памяти М. П. Погодина» (Там же. С. 262–263).

[5] См. примеч 2 к п. 13.

[6] Имеется в виду мемуарная статья Вяземского о поэте Ю. А. Нелединском-Милецком (см.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 2. С. 380–394).

17. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден-Баден
24 марта 1876

Многоуважаемый Князь!

Я провела 4 дня в Штутгарте на 3-й неделе поста самым приятным образом, несмотря на траур, и радуюсь, что доставила развлечений Августейшим хозяе-

вам. Читала королеве Ваши прелестные произведения, в том числе последние письма Ваши к ней (от 12 марта) и ко мне, недостойной таких милейших похвал. В нашем нечитающем Бадене восхищаются Вами со мною В. С. Плессен, Лиза Жадовская[2] и Пав. Вас. Анненков, живущий здесь со своим (неинтересным) семейством.[3] Как занимательна книга Д. Оболенского[4] и как умно, что тут же напечатано Ваше письмо, придающее ей цену![5] В переписке Ростопчина с Воронцовым[6] жена Нелединского представлена не в совершенно добродетельном виде. Кто прав? Муж или Ростопчин?[7] Я позволила себе (ободренная Вашим сочувствием) переписать для Вас мои переводы из Шиллера и Мура.[8] Если же удастся Вас развлечь, авось Вас усыплю, и за то скажите спасибо! Сегодня первый весенний день – солнце греет, птички поют, надолго ли? Нежно обнимаю Княгиню и жму Вам руку, нелицемерно поклоняясь Вашему чудному перу.

Многая, многая лета!

А. Баратынская.

В среду ждут сюда королеву Викторию,[9] на даче Hohenlohe[10] идут приготовления.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 17–18.

[2] *Жадовская Елизавета Никитична* (1831 – ок. 1900) – дочь ген.-майора Никиты Ивановича Жадовского (1791–1845). Знакомая П. В. Анненкова в Баден-Бадене.

[3] *Анненков Павел Васильевич* (1813–1887) – литературный критик, историк литературы, мемуарист; с середины 1860-х гг. жил за границей: в Баден-Бадене, Париже, Брюсселе, Берлине и др. Семейство Анненкова: жена (с 1861) Глафира Александровна Ракович (1831–1899), дочь Вера (в замуж. Нагель, 1867–1956) и сын Павел (1869–1934).

[4] *Оболенский Дмитрий Александрович* (1822–1881) – государственный деятель эпохи «великих реформ», действительный тайный советник. В 1876 г. издал книгу «Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого».

[5] См. примеч. 2 к п. 16.

[6] Переписка С.Р. Воронцова (1844–1832) с Ф. В. Ростопчиным (1763–1826) см.: Архив князя Воронцова. Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. М., 1876. Т. 8.

[7] Второй женой А. Ю. Нелединского, отца писателя, была графиня Анастасия Николаевна Головина (1754–1803), которая еще до замужества была любовницей князя Н. В. Репнина, а с 1784 г. находилась в близких отношениях с графом С. П. Румянцевым (1755–1838), которому родила трех дочерей. В письме от 20 авг. 1795 г. Ростопчин пишет: «Le c-te Serge a été dans un état vraiment à plaindre. M-me Neledinsky, quoique beaucoup mieux, mais n'est pas hors d'affaire. Avec une poitrine très faible et des obstructions, elle a gagné une fluxion, qui s'est jetée sur la poitrine et a pensé l'enlever. Cet attachement du c-te Serge est respectable; car cette femme, outre sa conduite passée, n'a aucun moyen d'attacher un homme. Elle n'a que des vices et des défauts» (Граф Сергей находится в плачевном состоянии. О г-же Нелединской, хотя она и чувствует себя гораздо лучше, можно сказать то же. Имея слабую грудь и страдая от запоров, она к тому же заработала еще и флюс, который перешел на грудь и чуть не стоил ей жизни. Привязанность графа Сергея заслуживает всяческого уважения, потому что эта женщина не обладает ничем, кроме своего прошлого поведения, что способно было бы привязать к ней мужчину. В ней одни только пороки и недостатки», *фр.*). Архив князя Воронцова. Т. 7. С.107.

[8] О переводах А. Д. Баратынской см.: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. Л., 1963. № 4. С. 142–151.

[9] *Виктория* (1819–1901) – королева Великобритании из Ганноверской династии, правившая в 1837–1901 гг. Дочь Эдварда, герцога Кентского, и Виктории Саксен-Кобургской. Замужем с 1840 г. за принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819–1861).

[10] Имеется в виду вилла Гогенлоэ на Горе св. Михаила (Villa Hohenlohe am Michaelsberg), принадлежавшая сводной сестре королевы Виктории Феодоре (1807–1872). Первый частный визит своей овдовевшей и тяжело больной сестре королева Виктория, к тому времени тоже овдовевшая, нанесла в 1872 г., скрывшись под именем герцогини Кентской.

18. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден-Б.
7-е мая 1876

Многоуважаемый Князь.

Очень тронута Вашим *Посвящением*, но Вы не отец Пимен![2] Авось мы еще прочтем и услышим много сказаний Вашего славного пера и благозвучной лиры. В стихах и прозе одинаково светел Ваш ум и свежа Ваша память. Живите, пишите, если Бог даст мне дожить до лета, приеду обнять Вас и Княгиню.

Я не отвечала на Ваше последнее письмо по двум причинам: провожала племянницу и внучку[3] и перебиралась на новоселье Sophienstraße[4] *18* в дом бывший Д. Гугерта. Могла бы прибавить и третий *резон* – у меня совсем отымается правая рука, т. е. когда берусь за перо, потому-то и пишу чаще карандашом. Благодарю за советы… я исправила один перевод, но Résignation[5] не сумела перевести в целости. Очень темно и непонятно выходит по-русски. Вообще смысл и мне не по сердцу, но я соблазнилась прелестью стихов. У Шиллера есть еще одно чудное стихотворение, дышащее язычеством, – это «Боги Греции», *Die Götter Griechenlands* – но до этого я не дотрагиваюсь, не по силам!

Кончаю карандашом, не могу совладать с пером! Не взыщите! Это мне тяжкое горе! Поздравляю Вас с новой кавалерственной дамой Кн. Марьей Аркадьевной,[6] эту новость сообщает сюда Кн. Меншиков[7] из Парижа. Как жаль Кн. П. И. Мещерского![8] Еще раз благодарю от души.

А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 19–20.

[2] Анна Давыдовна выразила свое впечатление от посвященного ей стихотворения «Еще одно последнее сказанье» («Последние я доживаю дни…»).

[3] Имеется в виду А. А. и А. П. Барановы.

[4] Своим названием улица обязана великой герцогине Софии, супруге великого герцога Леопольда.

[5] «Résignation» («Смирение», другой вариант перевода – «Отречение») – стихотворение Ф. Шиллера (1786).

[6] Имеется в виду *Мария Аркадьевна Вяземская* (урожд. Столыпина), в 1-м браке Бек (1819–1889), с 1848 г. – жена П. П, Вяземского. В 1876 г. награждена малым крестом ордена Святой Екатерины.

[7] *Меншиков Владимир Александрович* (1816–1893) – светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник Кавказской и Крымской войн. Последний представитель рода Меншиковых по мужской линии.

[8] *Мещерский Петр Иванович*, кн. (1802–1876) – подполковник гвардии в отставке. Вторым браком был женат на дочери Н. М. Карамзина Екатерине Николаевне; отец литератора и публициста В. П. Мещерского. Баратынская выразила сожаление в связи с его кончиной.

19. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б. 2/14 июля 1876

Пишу карандашом, потому что пером рука не владеет, и повергаю Вам на суд, дорогой Князь, три скромных перевода из Гейне.[2] Еще должна Вам передать два горя – одно, что только мельком в пыли встретилась с Вами в Югенхайме, другая хуже еще: что послала Вам 29-го июня поздравительную депешу, которую мне сегодня принес обратно мой человек с повинной головою, отыскавши ее (т. е. депешу, не голову) у себя в кармане.

Баден праздновал 36 часов лицезрение Императора Василия Федоровича.[3] Вел. Кн. и Княгиня[4] приняли с удовольствием мою готовность им помочь угостить Державного Дядю – обедал Он у ИИ. ВВ., вечер провел с Ними у меня, бодрый, веселый, приветливый – гости были еще, Кн. Меншикова,[5] Лиза Кочубей,[6] Ребиндеры,[7] Шереметев,[8] Скобелев,[9] Мятлев,[10] кое-кто из свиты, всего 18 человек. Погода стоит чудная, довольно людно в Аллее[11] и близ Кургауза[12] в том числе вездесущая Краевская.[13] Увидимся ли с Вами в Фридрихсхавене, как надеялась Королева? А до того жму неверно Вам руку и обнимаю от души Княгиню. В мае были здесь Карамзины. Нат. Вас. с магнетизером Archet. Ал. Ник. постарел, потучнел, но такой же милый.[14]

Вся Ваша
А. Баратынская.

Вы пожалели о Герцоге и бедной Екатерине Михайловне!

Из Гейне

I. Die Lotus Blume ängstigt

Красавицу Лилею
Пугает блеск дневной.
Главу клоня в дремоте,
Ждет мглы она ночной.

Ждет месяца младого
С чарующим лучом,
К нему в тревоге нежной
Цветущим льнет челом.

Растет в его сияньи
Душистых слез полна,
И в милаго лобзаньи
Трепещет вся она.

1 / 13 июля 1876

II. Im Rhein, im schönen Strome,

На Рейне величавом,
Над светлою волной
Есть град венчанный славой,
В том граде храм большой.

Икона в нем святая
В оправе золотой
Стояла, озаряя
Не раз мне путь земной.

Там Девы лик Пречистой
Средь ангелов сиял;
Мне взор Ея лучистый
Тебя напоминал.

2 / 14 июня 1876.

III Warum sind denn die Rosen so blaß

Зачем поблекли розы,
Зачем в траве густой
Дрожат немыя слезы
На фьялке голубой?

Зачем звучит уныло
Мне голос соловья,
И *ладаном могилы
Подернулись поля?

Зачем на землю сходит
Так тускло солнца луч
И на душу наводит
Мне сумрак серых туч?

Зачем сама ты стала
Печальна и бледна?
Зачем ты изменяла
И бросила меня?

* или *холодом*? (Leichenduft)

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 20–24.

[2] Переводы из Гейне А. Д. Баратынская публиковала под инициалами «А. Б.» в журн. «Вестник Европы» в 1875 (№ 1) и в 1877 (№ 12) гг. Некоторые из этих переводов входили затем и в изданные в XIX и XX вв. сборники стихотворений Гейне (см.: Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. А. Г. Левинтон; отв. ред. Я. М. Металлов. М., 1958; см. также: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. 1963. № 4. С. 144–146; *Гончар-Ханджян Н.* А. Б. – А. Д. БАРАТЫНСКАЯ – А. Д. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА (Черты личности, литературные контакты и деятельность). Адрес электр. доступа: http://ysu.am/files/05N_Gonchar_Khanjyan_r.pdf).

[3] Имеется в виду германский император *Вильгельм I Фридрих-Людвиг* (1797–1888), первый правитель объединенной Германии (с 18 янв. 1871 г.), которого в шутку называли Василием Федоровичем (отцом Вильгельма был Фридрих III).

[4] Имеются в виду *Карл I* (1823–1891) – король Вюртембергский и его жена *Ольга Николаевна* (1822–1892), дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны.

[5] *Меншикова* (урожд. кн. Гагарина) *Леонилла (Леонида) Николаевна* (1822–1887) – дочь гофмейстера князя Николая Сергеевича Гагарина, троюродная сестра Александра II.

[6] *Кочубей Елизавета Васильевна* (1821–1897) – композитор-дилетант.

[7] *Ребиндер Константин Григорьевич* (1814–1886) – генерал от инфантерии, воспитатель сыновей великой княгини Марии Николаевны. Жена – *Елена Васильевна (*урожд. Кочубей; 1824–1899).

[8] *Шереметев Василий Петрович* (1836–1893) – поручик Кавалергардского полка, крупный землевладелец Нижегородской губернии, владелец и строитель Юринской усадьбы (Шереметевского замка).

[9] *Скобелев Дмитрий Иванович* (1821–1879) – русский военный деятель, генерал-лейтенант, командир Собственного Его Императорского Величества конвоя, заведующий Ротой дворцовых гренадер. Отец генерала Михаила Скобелева.

[10] Возможно, речь идет о *Петре Ивановиче Мятлеве* (1826–1891) – ротмистре, тайном советнике; был с 1866 г. женат на Марии Ивановне Донауровой (1843–1918). Но, возможно, имеется в виду другой *Мятлев – Владимир Иванович* (1830–1900) – камергер двора, коллекционер, при жизни передавший свою коллекцию в Эрмитаж. Был женат на своей двоюродной сестре *Варваре* (1847–1908) – дочери И. Г. Бибикова.

[11] Лихтентальская аллея – одна из самых знаменитых немецких аллей и самая русская аллея Германии, протянувшаяся по центральной части Баден-Бадена на два с небольшим километра до стен средневекового аббатства Лихтенталь.

[12] Курзал (Kurhaus) – в Баден-Бадене создан в 1824 г. по проекту Фридриха Вайнбреннера.

[13] Неустановленное лицо.

[14] *Карамзин Александр Николаевич* (1815–1888) – литератор, поэт-дилетант. Женат (с 1850) на дочери генерал-майора В. П. Оболенского, фрейлине двора княжне *Наталье Васильевне Оболенской* (1827–1892).

20. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

Гомбург пред высотами
7/19 июль-76

Князь Петр Андреевич Вяземский.

Сердечно благодарю Вас, наилюбезнейшая сестра Анна Аполлоновна, – если я только законный сын Аполлона, – за Ваши гостинцы. Все три очень хороши и милы, особенно третья, Warum sind die Nase so nass[2]? – Кажется, можно оставить *ладан могилы*. Это смело, но неуместно, тем более у нас, где над могилами свершаются панихиды и ладаном кадят. И я очень жалею, что мы разъехались с Вами в Югенхайме. Не знаю, увидимся ли с Вами в Фридрихсхафене. Королева была очень милостива и мила, как и всегда. Но при прощании не сказала: до свидания. Et c`est la reine qui salue la première.[3] Мне как-то говорили, что король в своем летнем убежище не большой охотник до гостей. С благодарностью приемлю не дошедшую до меня депешу Вашу. Сердце сердцу весть дает и довольно. Телеграфу тут не нужно. Благодарю и за вести о Вашем венценосном вечере. Здесь диадемной публики нету. Все плебейная: да и той нынешним летом мало. Передайте мой поклон Кн. Лизе Кочубей. Князь Горчаков крепко горюет, что нет надежды ему побывать в Бадене.Il maudit sa grandeur quil`attaché au rivage.[4] У нас гостит внучка наша Лиза Голицына,[5] но скоро оставляет нас и возвращается в свою Калужскую деревню.

Жена моя нежно обнимает Вас. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Единица хранения также содержит вырезку из газеты «Северная почта» за 1865 г. со стихами Вяземского «Вечером на берегу моря».

[1] РГАДА, ф.1609, оп. 1, № 33.

[2] Зачем носы такие мокрые? (*нем.*). Вяземский иронизирует над заглавием перевода Баратынской из Гейне: Warum *sind denn die Rosen* so blaß.

[3] Королева приветствует первой (*фр.*).

[4] Он проклинает свое величие, которое заставляет его оставаться на берегу (*фр.*).

[5] *Голицына Елизавета Петровна*, кн. (урожд. кн. Валуева, 1837–1916) – внучка П. А. и В. Ф. Вяземских. Вяземский посвятил ей стихотворение «Эсмеральда (Воспоминания о Венеции)». Голицыной принадлежало имение Жарки в Калужской губернии, унаследованное от бабушки В. Ф. Вяземской.

21. А.Д. Баратынская - П.А. Вяземскому[1]

Баден Б.
2 окт. 1876

Дорогой Князь.

Мария Максимилиановна в Кирхберге[2] на озере, ожидается в этом месяце в Карлсруэ, и едет в Сицилию куда-то близ Палермо на всю зиму. Вот все, что могу сообщить. Вел. Княг. Екат. Мих. зовет меня в Ремплин[3] с Вами и Титовым!!,[4] полагая, что мы неразлучны. Я отказалась за Вас и себя, о Титове сведений не имею. Если в это время года собираться на Север, так уж лучше в Россию, что я *быть может* и совершу зимой.

Погода и здесь ужасная. Вчера и сегодня солнце, но барометр падает! Германские Владыки[5] здесь. Он бодр и прям по-прежнему. Сын богатырь и любезен как Родители.[6] Все остались в восхищении от Штутгарта, где Король и Королева славно себя показали, победив внутреннее чувство. Вечера и обеды пойдут один за одним с завтрашнего дня по два на день. ИИ.ВВ. обещались ко мне на вечер – я не зову, они называются и, должно сознаться, очень милы и faciles à vivre.[7] Кн. Ел. Кочубей[8] дышит Ими, и спит и видит почет. Кн. М. Оболенская в трауре, но Gontaut-Biron[9] при ней безвыходно, и Державный Старец[10] посещает. В Схевенингене[11] Королеву носили на руках – поклонение было общее. Она премилая, но наивно повествует свои победы. Кн. Горчаков здесь со всею семьей[12]. Бар. Гюбнер – Лев (Lion)[13] сезона. Бедные Лонгиновы[14] живут в Stephanienbad;[15] они неутешны. Мальцов[16] объедает и обыгрывает Колошина и усердно в церкви отмаливает свою скупость. Вот все новости.

Прочтите в Вестнике Европы страницы 366–368 Внутр. Обозр. за Сентябрь – очень верные оценки сербобесья[17]. Признаюсь, жертвы наши деньгами и кровью чересчур велики. Надобно б поберечь кое-что и для России.

Обнимаю Княгиню и Вас от души

А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 25–26об.

[2] Кирхберг – имение супруга Марии Максимилиановны на берегу Констанцского озера.

[3] Ремплин – коммуна в Германии, в земле Мекленбург-Передняя Померания.

[4] *Титов Владимир Павлович* (1807– 1891) – писатель, чиновник, дипломат, действительный тайный советник; племянник министра юстиции Д. В. Дашкова.

[5] Речь идет о германском императоре Вильгельме I и его жене императрице Августе.

[6] Сын, т. е. кронпринц Фридрих (1831–1888) – будущий император и король Пруссии, известный под именем Фридриха III, царствовавший всего 99 дней.

[7] faciles à vivre – легки в обращении (*фр.*).

[8] *Кочубей Елена Сергеевна* (1835–1916) – дочь декабриста С. Г. Волконского, подруга императрицы Августы.

[9] Возможно, имеется в *виду Анна-Арман-Эли де Гонто-Бирон* (Gontaut-Biron) (1817–1890) – виконт, бывший в 1871–1877 гг. французским послом в Берлине.

[10] Еще одно имя, которое Баратынская дает Вильгельму I, цитируя при этом строки из «Илиады» Гомера. Ср.: «Так отвечал на это Ахиллу державный старец Приам».

[11] Схевенинген – морской курорт в Нидерландах на побережье Северного моря,

[12] *Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883) – светлейший князь (с 1871 г.), глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи (с 1867). Женат (с 1838) на Марии Александровне Мусиной-Пушкиной (ур. Урусовой) (1801–1853), дочери А. М. Урусова, вдове гофмейстера, гр. И. А. Мусина-Пушкина. Дети: Михаил (1839–1897) и Константин (1841–1926).

[13] *Гюбнер Йозеф Александр* (Joseph-Alexander Freiherr von Hubner) (1811–1892) – австрийский дипломат.. В 1868 г. оставил государственную службу и несколько лет спустя выпустил в свет сочинение «Sixtus IV» (Лейпциг, 1871); затем совершил кругосветное путешествие; свои наблюдения и впечатления изложил в книге «Путешествия вокруг света» («Promenade autour du monde». Лейпциг, 1874).

[14] Вероятно, речь идет о *Лонгинове Дмитрии Николаевиче* (1820–1878) и его жене Александре Александровне Львовой (урожд. кн. Львовой; 1836–1912). Можно предположить, что горе супругов Лонгиновых связано с утратой близких родственников: Михаила Николаевича Лонгинова, умершего 4.02.1875, и Евгения Александровича Львова, умершего 23.06.1876.

[15] Стефаниенбад – отель, названный в честь Стефани де Богарне, герцогини Баденской, двоюродной сестры Жозефины де Богарне.

[16] *Мальцов Иван Сергеевич* (1807—1880) — дипломат, переводчик; знакомый Пушкина, Грибоедова и Гоголя; в 1828 г. – первый секретарь посольства в Тегеране, служил также и в Англии, Италии и Турции, с 1843 г. член совета Министерства иностранных дел (несколько раз был временным управляющим министерством); действительный тайный советник. При Александре II его прочили на пост товарища министра просвещения и в министры финансов.

[17] Страницы 366–368 сентябрьского номера «Вестника Европы», на которые ссылается Баратынская, относятся к разделу «Иностранная политика».

22. П. А. Вяземский – А.Д. Баратынской[1]

<октябрь 1876>

1876 *octobre.*
Hombourg es monts
Samedi

Aux augustes paroles: Les lettres on été rendues à Wiasemski. Le dit Wiasemski répond affirmativenent, que les lettres ne lui ont pas été rendues. Il y a là un mésentendu que je ne comprends pas, et que j`attribue à la question slave, qui a mis du désordre en toutes chose. Je vais essayer de la tirer au clair. Mais ce n`est pas aux Majestés que je m`adresserai, et encore moins au Cmte Adlerberg. Ce serait jetter ma lettre à la mer. J`ecrirai à Malzov,<?> qu`il choisisse un moment opportun pour débrouiller cet imbroglio. A la réception de sa réponse je m`empresserai de faire mon rapport à Madame la Grande Duchesse. En attendant, si vous en

avez l`occasion, voulez-vous bien lui dire ce qui en est. Nous avons quitté nos frais ombrages et sommes rentrés dans nos anciens quartiers d`hiver. Paul est depuis hier soir a Pétersbourg, il y a trouvé un froid de huit degrés. Comment ne craignez vous pas de vous trouver face à face avec le

Старец с белыми власами
и с седою бородою.

Si Mme Stolypine est encore avec vous, dites lui, je vous prie, bien des choses affectueuses de ma part.

Je vous baise les mains
Wiasemsky

[ПЕРЕВОД]

Слова Августейшей особы:[2] Письма были переданы Вяземскому. Означенный Вяземский убедительно утверждает, что письма ему переданы не были.[3] Здесь есть недоразумение, которое мне непонятно и которое я приписываю славянским делам, внесшим во все изрядный хаос. Я попытаюсь все это выяснить. Но обращаться я буду не к Их Величествам и еще менее к графу Адлербергу.[4] Это означало бы бросить бутылку в море. Я напишу Мальцову,[5] <?> чтобы он нашел подходящий момент и попытался распутать этот узел. По получении его ответа я спешно отошлю свой отчет Великой Княгине. А покамест, если у Вас будет возможность, благоволите ей сообщить, как на самом деле обстоят дела. Мы покинули свежие рощи и вернулись в наши старые зимние кварталы. Павел[6] со вчерашнего дня в Петербурге, где восемь градусов мороза. И как же Вы не боитесь оказаться лицом к лицу с

<…>

Если госпожа Столыпина все еще с Вами, передайте ей, пожалуйста, изъявление моего самого глубокого почтения.

Целую Вашу руку
Вяземский.
(*фр.*)

Любопытно было бы мне послушать, что говорит королева Ольга[7] о наших славянских делах. Сегодня читал я письма из Белграда, русского раненого офицера.[8] Нельзя вообразить, что там за беспорядок и за сумятица и по военным делам, и по лазаретским, и вообще по гражданским и правительственным делам. У нас в России ничего этого не знают и знать не хотят, а верят крикам и ложным патриотическим бредням, – а часто и злоумышленным увлечениям – наших газет и славянских комитетов. Вот что на днях внушила мне вся эта бестолковщина.

Везде мы через край переполняем чашу:
В натуре нашей нет, чтобы в меру нам хлебнуть.
Всегда запоем тешим нашу
Широко жаждущую грудь.

* * *

Способны вызывать в театре мы Жюдину
Пятнадцать, двадцать, сорок раз,
Пока уж не совсем собьемся с панталыку,
Или потухнет в зале газ.

* * *

Событья ль на другой театр нас переносят,
Всё тот же в нас задор и тот же дикий крик.
Что горячитесь Вы? Нечаянно ль нас спросят,
Мы путаться начнем и станем мы в тупик.

* * *

Путем добра, путем ошибок,
Бежим мы, голову и чувства очертя;
Мужать умеем мы в пылу житейских сшибок,
Но осмотрительность нужна ли? Мы дитя.

* * *

Мы часто для других загадка,
Затем, что и себе загадка мы подчас:
Нет в наших доблестях проверки и порядка,
И в наших немощах сознанья нет у нас.

* * *

Нам, будто личным нам, особым провиденьем
К таинственным судьбам проложен темный след:
Как часто промах наш бывает нам спасеньем!
Как часто наш успех бывает нам во вред!

* * *

Нам чужды общие законы и преданья,
Не от Адама мы ведем свой род и век:
Днем раньше или днем поздней мирозданья
Был создан русский человек.[9]

Telle est ma profession de foi. Lisez-la à la reine. Je ne me crois pas plus mauvais russe que tout autre: au contraire: mais je suis russe avant d`être slave. Et selon une opinion erronée, un prejugé  historique et politique qui a couru chez nous, il faut être slave coûte que coûte et puis russe, pour payer les sottises des slaves. Je n`ai pas foi en cette mission historique que l`on nous inflige. La Russie est assez grande et a assez à  faire  chez elle pour ménager ses forces, son argent et son sang et ne pas les prodiguer pour les beaux yeux de ses cousins, qui au fond, sont peu honorables et sympathiques pour le présent, et ne seront que des ingrats dans l`avenir. Notre славянофильство tel qu`il est proclamé par notre presse, et par nos apôtres en чуйка et en jupes, n`est qu`une duperie dans la masse, et un coup montré par quelques meneurs, qui poussent à la guerre, dans l`espoir qu`elle pourra amener quelques crise dans le pays et le portera à la tete du mouvement.

Un lièvre en son gîte songeait,
Car que faire en un gîte à moins que l`on ne songe,

A dit Lafontaine.

Je suis aussi un lièvre octogénaire qui songe dans son trou de Hombourg. Je puis me tromper. Tant mieux. Mais ma longue expérience des hommes et des choses me fait croire , qu`en tout cas, il y a un fond de vérité dans mes rêvasseries.

Mettez, je vous prie, mes songeries, mes liévreries et mes hommages aux pieds de la reine.

Informez-moi par un mot, si vous avez reçu mon civet de lièvre.

[ПЕРЕВОД]

Таково мое исповедание веры. Прочтите его королеве. Я не считаю себя худшим русским, хуже чем многие иные, напротив: но я русский и только потом славянин. А согласно ошибочному историческому и политическому предрассудку, весьма у нас распространенному, надо быть во что бы то ни быть славянином и только потом русским, дабы платить по счетам за глупости славян. У меня нет веры в ту историческую миссию, которую нам приписывают. Россия достаточно велика и у нее достаточно дел, с которыми следует разобраться дома, и потому ей надо беречь свои силы, деньги и кровь и не растрачивать их ради прекрасных глаз своих двоюродных братьев, которые, в сущности, не слишком честны и симпатичны в настоящее время и станут лишь еще более неблагодарными в будущем. Наше славянофильство, каким его изображает наша пресса и наши апостолы в чуйке и юбках, в массе своей является не более чем обманом, фокусом, показанным несколькими вожаками, которые призывают к войне в надежде, что она приведет страну к кризису, а их самих на вершину власти.

Раз Заяц размышлял в укромном уголке
В укромных уголках нет лучше развлеченья, –

писал Лафонтен.[10] Я тоже заяц, причем восьмидесятилетний, который размышляет в своей гомбургской норе. Я могу ошибаться. Тем лучше. Но мой длительный опыт познания людей и вещей заставляет меня верить, что в любом случае в основе моих мечтательств есть изрядная доля истины.

Повергните, прошу, мои раздумья зайца-беляка и выражение моего почтения к ногам королевы.

Сообщите мне хотя бы парой слов, получили ли Вы мое заячье рагу. (*фр.*)

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 11–13 об.

[2] Августейшая особа – вероятно, императрица *Мария Александровна*, которая долгие годы собирала все документы, принадлежавшие ее тетушке Елизавете Алексеевне.

[3] О каких конкретно письмах императрицы Елизаветы Алексеевны идет речь, установить не удалось.

[4] *Адлерберг Александр Владимирович*, граф (1818–1888) – генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов в 1872–1881 гг.

[5] Мальцову… – см. примеч. 16 к п. 21.

[6] *Павел* – сын П. А. Вяземского.

[7] *Ольга Николаевна* (1822–1892) – дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны, с 1846 г. супруга Карла I, короля Вюртембергского.

[8] Речь идет о столкновении сербских войск с турецкими. 18 (29) окт. 1876 г. турецкая армия прорвала сербский фронт, принудив сербов к отступлению. Крушение сербской армии открыло туркам дорогу на Белград. Бегство сербов прикрывала русская бригада добровольцев генерала Черняева в 6000 человек.

[9] Опубл.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 12. С. 527–528 (с незначительными разночтениями).

[10] Вяземский цитирует начальные строки басни Жана де Лафонтена «Заяц и лягушки» (Le Lievre et les Grenouille).

23. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Б. Б. 24 (7) окт./8 ноября 1876

Почтеннейший Князь.

Ответ Ваш я вовремя доставила, присовокупляя совет: обратиться к самому Государю. Мария Макс. так и поступила и по телеграфу получила через 4 часа отзыв «les lettres ont été rendues a Wiasemski».[2] Уезжая во вторник в Палермо,[3] Мар. Мак. оставила мне письмо, где поручает мне разъяснить это дело, и просит Вас *вытребовать* драгоценные автографы и доставить их ко мне или прямо Гросс-Герцогу Баденскому.[4] Вам будет нетрудно написать словечко к гр. Адлербергу, а в случае нужды и к самой императрице, а то, пожалуй, письма Елис. Алексеевны пропадут безвозвратно. Двор, говорят, уже в столице – тем легче навести справки.

Прошу во всяком случае уведомить меня об успехах или неудачах Ваших поисков.

От души преданная

А. Баратынская.

Если бы Кн. Павел заглянул мимоходом сюда, он бы нашел в Бадене Столыпиных. Погода у нас отвратительная, полуснег, полудождь, ветер воет.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 27–28.

[2] письма отданы Вяземскому (*фр.*).

[3] Палермо – столица Сицилии.

[4] Фридрих-Вильгельм-Людвиг Баденский (1826–1907) – великий герцог Баденский в 1856–1907 гг.

24. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б.

4 ноября 1876.

Простите мне, дорогой Князь, мое невольное молчание. Признаться, я была уверена, что Вы и без меня узнаете, что Брюссельская дуэль была выдумка Figaro[2] и других шутов. А как Вам показалась статья 19-го окт. о бедном Потапове?[3] У меня 20-го обедала Варв. Арк. Нелидова,[4] мы вместе читали и невольно смеялись.

Турецкая резня остановилась до поры до времени,[5] оплакивать погибших русских, даже негодяев, и они пригодились бы нам в случае войны, а война partie remise,[6] кажется. Варцинский Сфинкс[7] молчит. Речь (заочная) Державного Старца мне кажется довольно неопределенна.

Берусь за перо снова – письмо это было прервано посещением Марии Максимилиановны. Вот Вам поручения Е.И.В-а.

1) Она Вам сердечно кланяется и 2) Спрашивает: получили ли Вы обратно от нашей Императрицы письма Имп. Елиз. Алексеевны, которые Вы возили в Югенгейм[8] и отослали через Государя? Если не получили, вытребуйте их через гр. Адлерберга или кого знаете и отошлите их потом самому Гросгерцогу в Карлсруэ – письма эти не принадлежат Марье Макс. Она очень боится, как

бы они не затерялись, переходя из рук в руки. Она едет в Палермо во вторник 7-го нояб. Если успеете, пришлите мне ответ по телеграфу «*где письма*»?

Обнимаю Княгиню и Вас – сбираюсь в Штутгарт после 15-го, а после в Россию на 3 месяца.

От души Ваша
А. Баратынская.

J'ajoute ces quelques mots pr. Vs. dire que vous pouvez Vous servir des lettres de feu l'Imp. Elisabeth pourvu *qu'après* vs. les restituez au Gr. Duc de Bade saines et sauves[9].

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 29–30, л. 30 – окончание письма на фр. яз.

[2] В номере от 29.05.1876 г. ежедневной французской газеты «Фигаро» (выходила с 1826 г.) была напечатана заметка о брюссельской дуэли, наделавшей много шума. Один из противников был убит, второй – лейтенант Маршал должен был предстать перед военным судом.

[3] *Потапов Александр Львович* (1818–1886) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, шеф жандармов и главный начальник III Отделения (1874–1876). В Приложении к «Фигаро» – «Supplément au Figaro du jeudi 19 octobre 1876» была напечатана большая статья под заголовком «La folie du général Potapoff, chef de la police de l'Empire de la Russie», посвященная сумасшествию генерала Потапова, которое с ним случилось в то время, когда он сопровождал императора Александра II в Ливадию. По распоряжению Александра II Потапова отправили в Вену к доктору Лойдесдорфу (Loidesdorff).

[4] *Нелидова Варвара Аркадьевна* (1814–1897) – камер-фрейлина, фаворитка Николая I.

[5] 19 окт. 1876 г. посол в Турции граф Игнатьев передал султану требование России прекратить войну с Сербией, в обратном случае Россия вступала бы на ее защиту. Турция согласилась на прекращение войны.

[6] в другой раз (*фр.*).

[7] *Варцинский Сфинкс* – вероятно, имеется в виду Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (нем. Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen; 1815–1898) – германский государственный деятель, князь, первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «Железным канцлером». Варцин – померанское имение Бисмарка со старым парком и замком (ныне Варцино, Польша).

[8] Югенгейм – городок в 18 км от Дармштадта, в котором находился замок Хайлигенберг (Heiligenberg), резиденция дома Баттенберг-Маунтбаттен (Battenberg-Mountbatten), представители которого были в родстве со многими королевскими дворами Европы.

[9] Еще несколько слов, чтобы Вам сказать, что Вы можете использовать письма покойной императрицы Елизаветы при условии, что вернете их герцогу Баденскому в целости и сохранности (*фр.*).

25. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<19 ноября 1876>

Baden B. 19 Nov.
1876

Cher Prince. Vs me croyez probablement à Stuttgard lisant à la Reine les *charmantes songeries* (non du lièvre dans son gîte mais de (Aigle dans son aire, et jouissans des impressions de S. M. Hélas ! je suis dans mon lit depuis 15 jours avec une bronchite obstinée, toussant et ne parvenant pas à guérir. Si je suis tout à fait bien pr. le 25, chose douteuse, je partirai. Laissez moi en attendant employer mes premières forces pr vs remercier et vs dire combien je partage vos idées et sentimens

et combien j'ai joui de vos vers – M. Stolypine est d`un avis politique opposé : slavophile comme les *чуйки,* par la raison sans doute qu'elle n'a pas vu ces héros de près. Prions cher Prince pour notre Empereur et notre Russie! Les chroniques intérieures de Вестник Европы très bien faite (Octobre 1876) viennent à l`appui de vos raisonnemens.

J'espère vs écrire plus longuemens de chez la Reine. Pr le momen je suis trop misérable ! Mes tendres hommages à la Princesse. Tout Bade tousse et gémit

A vs de cœur
A. Baratinsky.

Marie Stol. vs dit les choses les plus senties. Le fils prospère et réussi, le mari est parti pr son poste.

[ПЕРЕВОД]

Дорогой Князь. Вы, по-видимому, полагаете, что я в Штутгарте и читаю Королеве очаровательные раздумья (только не зайца в его норе), но Орла, воспарившего в воздухе, и внимаю впечатлениям, которые они произвели на Е. В. Увы! вот уже 15 дней, как я в постели с затяжным бронхитом, кашляю и никак не могу поправиться. Если я буду чувствовать себя вполне хорошо к 25-му, что сомнительно, я поеду. Позвольте же мне пока что потратить первые вернувшиеся ко мне силы, чтобы Вас поблагодарить и сказать Вам, насколько я разделяю Ваши мысли и чувства и какое большое наслаждение доставили мне Ваши стихи. Г-н Столыпин придерживается противоположных политических взглядов: славянофил как чуйки, по причине, что не видел этих героев вблизи. Помолимся же, дорогой Князь, за нашего Императора и нашу Россию! Очень хорошо представленная внутренняя хроника Вестника Европы (Октябрь 1876) лишь подкрепляет Ваши размышления.[2]

Надеюсь написать Вам более подробно, когда буду у Королевы. В настоящий момент я очень дурно чувствую себя! Передавайте нежные приветы Княгине. Весь Баден кашляет и лихорадит.

Сердечно Ваша
А. Баратынская.

Мария Стол. передает Вам самые проникновенные слова. Сын ее процветает и имеет успех, муж отправился к месту ее назначения (*фр*.).

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 31–32.

[2] Речь идет о статье: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 799–823.

26. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Штутгарт
4-го декабря 1876.

Я прочла Ваше письмо Королеве,[2] которая оставила его у себя для сообщения Королю. Ее Вел. совершенно разделяет Ваше мнение и чувства, прибавляя, что до сих пор Она боялась высказываться, не будучи уверена в правоте своих

впечатлений. «Я иногда думала, что я отстала от России и потому не понимаю общего увлечения, теперь вижу, что не ошибалась. Вяземский, Вы, даже Стааль,[3] знакомый с Востоком, все судят одинаково». Стихи Ваши Ей очень понравились. Вот, почтеннейший Князь, верный Resumé разговора. Я здесь шестой день и прибуду в четверг 28 ноября / 7 декабря.

Их Величества[4] милостивы и любезны донельзя. Я их вижу то за обедом, то вечером ежедневно. Третьего дня был военный обед, я, разумеется, не присутствовала, но была посвящена в тайны туалетной комнаты, где видела Оль. Ник. во всем блеске чудных бриллиантов и собою живо напоминавшей прежнюю красоту. *Он* весел, с Ней очень ласков и, видимо, доволен, что себя превозмог в отношении к Германскому императору, с которым после Штутгартских празднеств[5] взаимно подружился.

Вчера на фамильном обеде я видела все родство – жених весел и влюблен – свадьба весною.[6] Вера Конст. в восхищении от своего мужа[7] – две крошки живут, но очень тщедушны.[8] Завтра обедаю с Их Вел-ми у Вел. Княгини. М. Т. Пашкова[9] стареет, но такая же милая, и православна, jusqu'à la moële des os.[10] В большой дружбе с о. Базаровым.[11] Посольство составляет дружную семью. Вот подробный отчет моего пребывания в здешней столице. Буду ждать ответа в Бадене. Думаю, если Господь благословит, съездить в декабре в Птбрг: там Борея[12] я не боюсь, только б он пощадил доро́гой.

От души Ваша
А. Баратынская

Mes tendres hommages à la Psse.[13] Отыскались ли письма Ел. Алекс.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 33–34.

[2] Т. е. Ольге Николаевне, королеве Вюртембергской.

[3] *Стааль Егор Егорович*, барон (Georg Friedrich Karl von Staal, 1822–1907) – российский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вюртемберге (1871–1884).

[4] Их Величества – Карл I (Карл-Фридрих-Александр; 1823–1891) – король Вюртембергский с 1864 г. и великая княгиня Ольга Николаевна.

[5] Имеются в виду торжества по поводу бракосочетания великой княгини Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом-Евгением Вюртембергским, состоявшегося в Штутгарте 4 мая 1874 г.

[6] Речь идет о предстоящей свадьбе великой княжны Анастасии Михайловны (1860–1922), дочери великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны. 12 (24) янв. 1878 г. она вышла замуж за великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца III (1851–1897).

[7] *Вера Константиновна* (1854–1912) – младшая дочь великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внучка императора Николая I. Воспитывалась при дворе королевы Вюртемберга Ольги Николаевны. Муж – Вильгельм-Евгений Вюртембергский (1846–1877).

[8] В 1876 г. у герцогов Вюртембергских родились дочери-близнецы Эльза (1876–1936) и Ольга (1876–1932).

[9] *Пашкова* (урожд. гр. Баранова) *Мария Трофимовна* (1807–1887) – дочь камергера Т. О. Баранова и гофмейстерины Ю. Ф. Адлерберг; выпускница Смольного института и фрейлина, замужем за Михаилом Васильевичем Пашковым (1802–1863), ген.-лейтенантом, управляющим Департаментом внешней торговли. Супруги Пашковы были знакомы с А. С. Пушкиным, с 1838 г. они жили в доме на Мойке, в квартире, которую ранее снимала семья поэта.

[10] до мозга костей (*фр.*).

[11] *Базаров Иоанн Иоаннович* (1819–1895) – православный священнослужитель, протоиерей, церковный писатель. С 1851 г. настоятель русской придворной церкви в Штутгарте.

[12] Борей – в греческой мифологии олицетворение северного буйного ветра.

[13] Мои нежные приветы Княгине (*фр.*).

27. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден. Б.
пятница 10 / 22 Декабря

Если хотите спальную комнату окнами в сад, я Вам приготовлю приют в Hôtel d'Angleterre.[2] Дайте знать прямо *туда* с вечера, что будете на следующий день. Поезда из Франкфурта приходят сюда, ночной в 2 часа утра (раннего) дневной в 5 ½ ровно к обеду. Этот удобнее.

Я еду не после нашего 15-го января, но после 1-го янв; чтоб избежать в Прбге суматоху Праздников.

Адрес Марии Макс. просто à Palerme sans indication d'hôtel.[3] Радуюсь, что Письма отыскались. Ждем Вас с нетерпением, дорогой Князь. Не откладывайте, не то попадете в морозы. Теперь грязно, сыро, но тепло. Пар костей не ломит. Сердечный привет Княгине.

От души Ваша
А. Баратынская

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 35.

[2] Hôtel d'Angleterre или Englischer Hof (Английский двор) – гостиница в Баден-Бадене, где часто останавливались именитые русские гости, среди которых был и император Александр II.

[3] Без указания отеля (*фр.*).

28. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<19/25 декабря 1876>

L`Hôtel d`Angleterre est froid__ vous serez mieux à *Hollande,*[2] et n`y mourrez pas de faim. La chambre à coucher est tranquille. Annoncez vs. dès le matin à moi.

A.Baratinsky
Bade B.[3]
19/25 XII 1876

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 36.

[2] Hôtel de Hollande (Голландия) – гостиница в Баден-Бадене, где останавливались русские писатели: Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др.

[3] В отеле Англетер холодно__ Вам лучше будет в Голландии, и там Вы не умрете с голоду. До спальни уличный шум не доходит. Дайте мне знать о себе утром. А. Баратынская. Баден-Б. (*фр.*).

29. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<13 января 1877>
Aufgegeben B. Baden den 13 Januar 1877 8 Uhr 25

Bad Homburg Prince Wiasemski

Félicitations tendres voeux unanimes pars demain écrirai de Pétersbourg Baratinsky.[2]

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 37.

[2] Б. Баден, 13 января 1877 8. 25 утра.
Бад Гомбург, Князю Вяземскому
Поздравления нежные все пожелания, уезжаю завтра, напишу из Петербурга
Баратынская (*фр.*).

30. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

С. Петерб. 26 янв./ 7 февр. 1877
Невский просп. 42

Дорогой любезный Князь.

До сих пор Борей ко мне милостив: снегу много, но не холодно, на улицах давка, страшно ездить, рельсы везде стесняют путь; после Баденского простора мне все кажется, что на мою карету наедут эти огромные вагоны, коим нет числа. По истечении 8-дневного траура по супругу бедной Веры Конст.[2] начались балы при Дворе и в городе. Но я тут безучастна. Сохрани, Господи, и думать о балах. Зато много других отрадных впечатлений. Императрица[3] меня обворожила; до того привет Е. В. был милостив. На другой день я обедала у И. И. В. В-в. Государь,[4] видимо, поправился здоровьем, голос окреп, одышки не заметно, был весел, разговорчив, о благосклонности и говорить нечего. Я, разумеется, сообщила хорошие вести о Вас – И. И. В. В. много о Вас расспрашивали. Императрица хвалила письмо о Нелединском.[5] Я указала на статью о Ник. Тургеневе,[6] которую прочтут. О политике ни слова! Зато в обществе, в особенности военный люд, относятся с недоверием и злобой к Германии и убеждены, что она хочет нас вовлечь в эту войну, а сама в мутной воде рыбу удит.

Из Вел. князей я видела только младших,[7] славные молодцы! Цесаревна[8] как будто выросла и очень мила. Марья Павловна[9] привлекательна. В. княгиня Алекс. Петровна[10] похорошела, повеселела. В. к. Екат. Мих.[11] неутешна, но так кротка! Обе нежно кланяются Вам и княгине, также Евг. Макс.[12] Ваши здоровы, княгиня Мар. Арк.[13] пополнела и живет душа в душу со своей повелительницей.[14] К. Павел[15] не похудел, очень занят. У них уютно и нарядно. Вы бы не узнали золотую гостиную Императрицы, преобразованную покойной В. к. Марией Ник.: ковер, картины, мраморы, зелень окружают прелестные établissements,[16] мебель кое-где покрыта восточными золотыми шалями, просто рай! В прочих покоях по-прежнему…

Поговаривают о разводе гр. Петра Шув.[17] Сирена его здесь.[18] О смерти ея мужа носятся толки: была ли дуэль или удар? – не решено.[19] Гр. Панина[20] мне рассказывала странные вещи. Пав. Шув.[21] страстно влюблен в свою молодую жену.[22]

Вот перечень моего двухнедельного пребывания в России.

Обнимаю от души Княгиню и Вас.

А. Баратынская.

Мария Максим. просит Вас ради Бога возвратить скорее письма Елис. Алексеев. Грос. Герцогу в Карлсруэ.[23]

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 38–39.

[2] Вильгельм-Евгений Вюртембергский скончался 15 (28) янв. 1877 г. в Дюссельдорфе в возрасте 30 лет, менее чем через 3 года после бракосочетания. По преданию, был убит на дуэли. Похоронен в церкви Штутгартского замка.

[3] *Мария Александровна* (1824–1880) – принцесса Гессенского дома, супруга Александра II и мать императора Александра III.

[4] Т. е. Александр II (1818–1881).

[5] Имеется в виду мемуарная статья П. А. Вяземского «Ю. А. Нелединский-Мелецкий», написанная в 1848 г. во время подготовки к изданию сочинений Нелединского-Мелецкого. См.: *Вяземский П.А.* ПСС. Т. 2. С. 380–394.

[6] См. примеч. 3 к п. 16.

[7] Вероятно, имеются в виду великие князья *Сергей Александрович* (1857–1905) и *Павел Александрович* (1860–1919).

[8] *Мария Федоровна* **(**Мария-София-Фредерика-Дагмар (Да́гмара); 1847–1928**)** – супруга (с 28 окт. 1866) великого князя Александра Александровича, будущего Александра III.

[9] *Мария Павловна* (урожд. Мария-Александрина-Элизабета-Элеонора Мекленбург-Шверинская, 1854–1920) – герцогиня Мекленбург-Шверинская, русская великая княгиня.

[10] Великая княгиня *Александра Петровна* (1838–1900) – супруга великого князя Николая Николаевича, сына императора Николая I, дочь принца Петра-Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской.

[11] Великая княгиня *Екатерина Михайловна* (1827– 1894) – дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны.

[12] Светлейшая княжна *Евгения Максимилиановна*, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (1845–1925) – член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»).

[13] Имеется в виду *Мария Аркадьевна Вяземская* (урожд. Столыпина).

[14] В 1874 г. Мария Аркадьевна была пожалована в гофмейстерины к великой княгине Марии Павловне.

[15] Т. е. князь Павел Петрович Вяземский.

[16] *Зд.*: конструкции (*фр.*).

[17] *Шувалов Петр Андреевич* (1827–1889) – генерал-адъютант, член Государственного совета, начальник III Отделения в 1861–1864, 1866–1874 гг., генерал-губернатор Прибалтики в 1864–1866 гг. С 1874 по 1879 г. был чрезвычайным и полномочным послом в Великобритании. За свое огромное влияние на Александра II получил прозвище «Петр IV».

[18] Имеется в виду *Мария Сергеевна Долгорукова* (во 2-м браке Бенкендорф, 1846–1936) – дочь князя С. А. Долгорукова, жена князя А. В. Долгорукова (см. следующую сноску).

[19] Ср. свидетельство в дневнике П. А. Валуева (запись от 5 сент. 1876 г.): «Много толков о смерти кн. Долгорукова, сына покойного кн. Василия, мужа кн. Мери. Одни говорят, что он убит на дуэли гр. Шуваловым (послом), другие – что он умер от delirium tremens (умопомешательства на почве алкоголизма. – *А. Д.*). Странно, что эти другие – преимущественно родственники княгини и что смерть приключилась в Брюсселе, куда ему не было стати ездить. Воздерживаюсь лично от окончательной веры той или другой стороне» (*Валуев П. А.* Дневник: в 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 388).

[20] Вероятно, *Наталия Павловна Панина* (урожд. гр. Тизенгаузен, 1810–1899) – дочь тайного советника и сенатора гр. Павла Ивановича Тизенгаузена (1774–1864) и Юлии Петровны Тизенгаузен, урожд. гр. фон дер Пален (1782–1862), фрейлина.

[21] *Шувалов Павел Андреевич* (1830–1908) – военачальник и сановник из рода Шуваловых, генерал-лейтенант. В 1877 г. был назначен командующим 2-й гвардейской пехотной дивизией, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Впоследствии был варшавским генерал-губернатором (1894–1896) и послом в Берлине (1885–1894), пользовался расположением как Вильгельма I, так и Вильгельма II, будучи сторонником сближения России с Германией.

[22] *Комарова Мария Александровна* (1852–1928) – вторая жена Шувалова – дочь профессора Института Корпуса инженеров путей сообщения А. Комарова, фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны. Их свадьба состоялась в 1877 г. в Рундальском дворце графа Шувалова.

[23] Приписка к письму, сделанная на л. 38 на левом поле.

31. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

<11/23 февраля 1877>
Гомбург
11/23 февр. – 77.

Сердечно и нижайше благодарю Вас, любезнейшая Анна Давыдовна, за то, что не забыли меня посреди суеты и блеска Петербурга и всех Ваших почестей. Благодарю и за милое и интересное письмо. Надеюсь, что на возвратном пути сдержите Вы обещание свое, назначите мне свидание во Франкфурте, или, если милость будет, даже осчастливите нас здесь лицезрением своим. Уши мои так уже и зудят и алчут сладких и занимательных речей Ваших. Будет Вам что порассказать, а нам что послушать. Вот уже около двух недель, что я маленько гриппничаю, оттого поздно и отвечаю Вам. Теперь мне лучше, а жена, благодарю Бога, совершенно оправилась. У нас весна, с маленькими перемежками и гримасами, но фиалки и маргариты расцветают в поле, и деревья зеленеют в парке. Только здесь и есть живого, а прочее всё мертво. Но я к этой смерти привык, авось легче будет свыкнуться с другою.

Сделайте одолжение, передайте Е. И. Высочеству Екатерине Михайловне мои глубочайшие почтения и сочувствия.[2]

Не забудьте также меня, когда увидите графиню Мойра[3] и княгиню Елену Павловну.[4]

Жена моя Вам нежно кланяется, а я нежно целую ручку Вашу.

Вяземский.

Вы, которые покровительствуете мою старую, беззубую музу, – спросите у Шереметева[5] мои поминки.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 14–15. Сохранился конверт этого письма с почтовыми штемпелями Гомбурга и С.-Петербурга: РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 22.

[2] См. п. 4 примеч. 2. Сочувствие Вяземского в связи с кончиной мужа вел. кн. Екатерины Михайловны (см. п. 39, примеч. 3).

[3] *Мойра Анна Александровна,* де (урожд. гр. Апраксина, 1827–1887), с 1845 г. была замужем за гр. Эдуардом Карловичем Сиверсом (1820–1900), разведясь с ним, в 1858 г. вышла за португальского посланника, виконта, потом графа Лоб де-Мойра (1810–1868); была хозяйкой салона, в котором собиралось все высшее петербургское общество, которое посещал также и Александр II. Ее имя вместе с княгинями М. А. Вяземской и С. А. Гагариной фигурировало в «истории с тремя дамами», когда в 1880 г. император обратился именно к ним, чтобы они первыми из придворных дам нанесли визиты княгине Юрьевской.

[4] Вероятно, речь идет о кн. *Елене Павловне Кочубей* (урожд. Бибикова, в 1-м браке кн. Белосельская-Белозерская, 1812–1888), одной из первых светских красавиц. Была в это время обер-гофмейстериной царского двора.

[5] *Шереметев Сергей Дмитриевич*, гр. (1844–1918) – историк, коллекционер, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С 1868 г. был женат на Екатерине Павловне Вяземской (1849–1929), внучке П. А. Вяземского.

32. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

С. Пбрг. 18 февраля/
2 марта 1877

Любезнейший Князь.

Пишу по поручению Вашей Державной приятельницы. Вчера я обедала у ИИ. ИИ. ВВ. с Вел. Князьями, граф. Мойра, Хрептовичем[2] и Игнатьевым,[3] едущим за границу. О политике ни слова; но было приятно и весело, как будто на небе нет ни гроз, ни туч. После обеда Императрица много говорила со мною, снова спрашивала о Вас, здоровы ли Вы и Княгиня? Что пишете? Есть ли новое стихотворение? Я отвечала, что *Вы* в письме говорили о *Поминках*[4] и что они в руках Шереметева. Между прочим, или прежде всего Е.В. приказала мне Вам передать mille bonnes choses et bien affectueusemént,[5] что я с радостью исполняю. Государь также мил и разговорчив дома. Видеть Их уже просто для меня новость и новость отрадная. До сих пор я мало знала Императрицу, теперь постигаю ее обаяние. Честь и слава Арсеньеву. Его питомцы прелестные, благовоспитанные юноши, один другого милее.[6] Не удастся мне обедать с Цесаревной и Марией Павловной, авось и Их узнаю поближе. В. К. Екатерина Мих. тронута Вашей памятью. Гр. Мойра тоже. Она очень пополнела. Глядя на ее живот, я боюсь, не водянка ли готовится сократить ее жизнь? С боку смотреть, право, словно беременна. Глазами не хуже, а даже лучше. Кн. Долгорукова очень состарилась, нет следов красоты. Вдовушка здесь, в трауре.[7] Гр. Шувалова[8] отдает визиты – бедные Гагарины[9] не принимают. Последователи Редстока[10] собираются в известные дни у одной Mari Рейker[11] и у Пашковых,[12] где совершают молитвы и добрые дела. Но мне не придется их встретить. Я не податлива на новизну – ужель нельзя молиться и тужить и творить милостыни без этих съездов? Между тем люди хорошие, трудно их смешивать с притворщиками.

Говорят, что канцлер выходит, что Гр. Ал. Влад. отклоняет наследство. Валуев me paraît roide et solennel, mystérieux. Sera-ce lui?[13] Увидим.

Зима стоит, снег валит, до фиялок здесь далеко! Цветут грипп и бронхит. Я было свалилась но оправилась – надолго ли? Впрочем, очень берегусь – не хожу, а езжу в санях, от вечеров отказываюсь. Вчера был раут у граф. Протасовой[14] – говорят, много было. В понедельник у гр. Мойра будут Государь и Мария Павловна. Туда, быть может, поеду. Благодарю за письмо и жду другого с ответом на поклон Императрицы. Вам и Княгине сердечный привет.

А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 40–42.

[2] *Хрептович Михаил Иринеевич*, гр. (1809–1892) – русский дипломат польского происхождения, зять и протеже министра иностранных дел Нессельроде, царский посланник в Бельгии, Великобритании и других странах.

[3] *Игнатьев Николай Павлович* (1832–1908) – русский посланник в Пекине (1859–1860), посол в Константинополе (1864–1877). Сторонник идей панславизма. С 18 февр. по 20 марта 1877 г. Игнатьев, с целью обеспечить нейтралитет европейских держав в предстоявшей Русско-турецкой войне, посетил Берлин, Париж, Лондон и Вену.

[4] Речь идет о цикле стихотворений Вяземского «Поминки» (1853), посвященном памяти Н. М. Языкова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, А. А. Перовского и А. С. Пушкина. См.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 11. С. 8.

[5] Тысячу приветов и притом весьма нежных (*фр.*).

[6] *Арсеньев Дмитрий Сергеевич* (1832–1915) – с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[7] *Долгорукова* (урожд. Бенкендорф) *Мария Сергеевна* (1846–1936). В 17 лет (1863) Мария вышла замуж за князя Александра Васильевича Долгорукова. В 1865 г. у нее родилась дочь Ольга, в 1866-м – сын Александр, а в 1868-м – сын Василий. Муж Марии был всего на семь лет старше ее, ему в год свадьбы исполнилось лишь 24, что по тем временам считалось очень ранним браком. Вместе они прожили 13 лет. В 1876 г. в возрасте 37 лет муж Марии внезапно умер, оставив ее с тремя детьми.

[8] Речь идет о Марии Александровне Комаровой, вышедшей в 1877 г. за П. А. Шувалова.

[9] Вероятно, *Сергей Сергеевич Гагарин-младший* (1832–1890) и *Вера Федоровна Гагарина* (урожд. Пален).

[10] *Редсток Гренвил Огастес Уильям Уолдигрейв* (1833–1913) – английский религиозный деятель, христианский миссионер, один из основателей евангельского движения в России. Весной 1874 г. прибыл в Санкт-Петербург, где познакомился с многочисленными представителями российской аристократии, с которыми вел беседы на духовные темы, а также произносил проповеди в частных домах для широкого круга слушателей. В число последователей Редстока входили княгини Н. Ф. Ливен, В. Ф. Гагарина, граф А. П. Бобринский, граф М. М. Корф, полковник В. А. Пашков, вдова генерал-адъютанта Е. И. Черткова, Ю. Д. Засецкая и др. В 1876 г. М. М. Корф вместе с В. А. Пашковым организовал и возглавил Общество поощрения духовно-нравственного чтения, занимавшееся распространением Библий и духовной литературы, а также выпускавшее религиозный журн. «Русский рабочий». Отрицательная реакция на развитие движения, получившего наименование «редстокистов», со стороны официальных церковных кругов в 1878 г. привела к установлению для Г. Редстока запрета на посещение России.

[11] *Пейкер* (урожд. Лашкарева) *Мария Григорьевна* (1827–1881) – последовательница лорда Редстока, издательница ежемесячного религиозно-нравственного журн. «Русский рабочий».

[12] Пашковы – см. примеч 9 к п. 26.

[13] кажется мне чопорным и торжественным, загадочным. Он ли это? (*фр.*). **(**Вероятно, речь идет о последнем канцлере Российской империи кн. А. М. Горчакове (1798–1883) и его возможных преемниках гр. А. В. Адлерберге (1818–1888) и гр. П. А. Валуеве (1815–1890). Хотя политическая карьера Горчакова заканчивалась, ему удалось сохранить почетный титул государственного канцлера**)**.

[14] *Протасова* (урожд. кн. Голицына) *Наталья Дмитриевна* (1803–1880) – дочь московского генерал-губернатора, светлейшего князя Д. В. Голицына, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (малого креста) (1852) и баварского Ордена Терезы. В 1861 г. была пожалована в статс-дамы, а с февраля 1865 г. назначена обер-гофмейстериной при государыне императрице. Считалась первою дамой в Петербурге, жила открыто в своем роскошном доме на Невском проспекте (д. 72), давая рауты и танцевальные вечера. По отзывам современника, была женщиной достойной глубочайшего уважения, олицетворяла собой настоящий тип аристократической дамы, сохранявшей манеры, утонченную любезность и образ жизни давно минувшего времени.

33. А. Д. Баратынская – В. Ф. Вяземской[1]

<весна 1877>
Samedi Saint
St. Pétersbourg 1877

Chère Princesse,
Христос Воскресе!

Je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que le Prince qui m`oublie. Je viens de la plus belle Messe du monde où j`ai prié pour vous deux. C`était dans Palais Nicolas. La Gr. Dsse communiait avec une ferveur, une onction touchante, au milieu de beaux splendeurs de son Temple, de chants superbes, devant ce Tombeau resplendissant des cierges et exhalant les plus suaves arômes d`Orient. Je vs assure que c`était édifiant.

Je suis sous le charme de la bonté de cette Gr. Duchesse, plus je l`approche et plus je l`apprécie. Impossible d`être plus aimable, plus sereine, plus hospitalière. Vs la connaisserez, mais vs. verriez d`énormes progrèss comme femme du monde, sans moins d`observations de ses devoirs religieux et chrétiens, chose rare!

Je n`ai pas été au Palais d`Hiver depuis les <нрзб.> mais je sais qu`on y a lu des nouvelles du Prince en prose et en vers.

Pr. la Gr. Dsse Catherine je La vois très souvent. Ns avons fait nos divotions ensemble. Et cette Nuit ns entendrons chanter Христос Воскресе dans ce Palais où il reste hélas si peu de vivants! Je ne vois pas les vôtres depuis nos premierès rencontres; mais Lise Karamzine est tres vieillie. Les slavophiles des Palais очень присмирели. Aksakoff et son Egérie se livrent seuls aux mêmes élucubrations. Pauvre Empereur et pauvre Russie! que de nuages sur leurs têtes et comme cette éternelle incertitude est pénible!

Mes impressions personelles sont très douces – celles du dehors assez sombres.

Recevez chère Princesse mes voeux et mes plus tendres hommages.

A vous deux de coeur

Anne Baratinsky.

Je pense repartir vers la fin d`Avril pr. Bade.

[ПЕРЕВОД]

Страстная суббота,
Ст.-Петербург 1877

Дорогая Княгиня,
Христос Воскресе!

Обнимаю Вас от всего сердца, так же, как и Князя, который обо мне забыл. Я только что вернулась с самой прекрасной службы в мире, где я молилась за Вас обоих. Это было в Николаевском дворце.[2] Великая Княгиня[3] причащалась ревностно, трогательное помазание среди великолепия этого Храма, величественные песнопения перед Гробницей, окруженной горящими свечами, источающими восточный аромат. Уверяю Вас, все это было поучительно.

Я очарована добротой этой Великой Княгини, чем более я с ней сближаюсь, тем более начинаю ценить. Невозможно быть более любезной, более светлой, более гостеприимной. Вы познакомитесь с ней, но Вы увидите, что она очень сильно выросла как светская дама, не говоря уже о ее религиозных и христианских обязанностях, вещь редкая!

С тех пор я не была в Зимнем дворца, но я знаю, что Князь был там с чем-то новым в прозе и стихах.[4]

Вел. кн. Екатерину[5] я вижу очень часто. Мы вместе... И сегодня ночью мы будем слушать, как поют Христос Воскресе в этом Дворце, где, увы, осталось в живых так мало! После первых наших встреч я более не видала Ваших; но Лиза Карамзина[6] очень постарела. Придворные славянофилы очень присмирели. Один Аксаков со своей Эгерией[7] предаются все тем же разглагольствованиям. Бедный Император и бедная Россия! Какие тучи сгустились над их головой и как тяжела эта вечная неопределенность!

Мои личные впечатления очень хороши; весьма мрачны впечатления о том, что творится вокруг.

Примите, дорогая Княгиня, мои самые лучшие пожелания и уверения в нежных чувствах, которые я к Вам испытываю.

Сердечно Ваша и Князя

Анна Баратынская.

Думаю отправиться в конце апреля в Баден. (*фр.*)

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 43–44.

[2] Николаевский дворец – трехэтажная резиденция великого князя Николая Николаевича на Благовещенской площади Санкт-Петербурга (ныне пл. Труда). Строился в 1853–1861 гг. архитектором А. И. Штакеншнейдером и его помощниками Августом Ланге и Карлом Циглером.

[3] Великая княгиня (имеется в виду вел. кн. Александра Петровна (1838–1900) – супруга вел. кн. Николая Николаевича (1831–1891), дочь принца Петра Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской).

[4] Вяземский читал в Зимнем дворце прозу и стихи.

[5] Великая княгиня Екатерина Михайловна – см. примеч. 2 к п. 4.

[6] *Карамзина Елизавета Николаевна* (1821–1891) – дочь Н. М. Карамзина, фрейлина (с 1839 г.), замужем не была. Не имея состояния, жила на пенсию, которую получала как дочь Карамзина.

[7] Эгерия – в древнеримской мифологии нимфа-прорицательница, жена римского царя Нумы Помпилия. Вяземский называл Эгерией Анну Федоровну Тютчеву (1829–1889), дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлину Высочайшего двора, жену И. С. Аксакова, разделявшую взгляды славянофилов.

34. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

22июня / 4 июля 1877

Что изволите Вы поделывать, любезнейшая сударыня? И что делается у вас? Мы живем по-старому и помаленьку. Эти дни мы благодатно и благорастворенно потели под жарою. Теперь начинаем свежеть и мокнуть под дождем. Здесь большой наплыв англичан и англичанок. Несколько дюков и дюшесс. Я предпочел бы им натуральных дюшесс, то есть les poires duchésses. С этими высотами я мало знаком. А более держусь средних слоев. Здесь гостили Жерлингамы.[2] Сегодня они уехали. На днях обедал я в Содене[3] у Марии Максимилиановны. Она, кажется, похудела, но, впрочем, довольно здорова, очень жива и мила. А когда едет Мария Павловна? Скажите Скалону,[4] чтобы он не забыл уведомить меня заблаговременно о дне отъезда. Очень желаю провесть еще несколько дней в Б. Бадене. Извинили ли Вы меня пред Персиани?[5] Мой сердечный поклон Колошиным.[6]

Неизменно Вам преданный Вяземский.

[1] РО ИРЛИ, ф.33, оп. 1, № 201, л. 18–18 об.

[2] Неустановленные лица.

[3] Соден – город в прусской провинции Гессен-Нассау близ Франкфурта-на-Майне.

[4] *Скалон Дмитрий Антонович* (1840–1919) – полковник, адъютант великого князя Николая Николаевича, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг:

[5] Вероятно, *Персиани, Иван Эммануилович* (1790–1888) – действительный тайный советник (с 10.09.1866). Происходил из бояр княжества Валахия.

[6] Речь идет о семье *Ивана Петровича Колошина* (1827–1891), с 1876 г. чрезвычайного посланника и полномочного министра в Баден-Бадене.

35. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Б. Б. 6 июля
1877

Дорогой Князь.

Поручение Ваше я сообщила Скалону *письменно*. Ни Вел. Княгиню ни Свиту Е. И. В. я не вижу с Вашего отъезда. В воскресенье было благодарственное Молебствие в присутствии Е. И. В. Трубецкие (Lisa)[2] здесь на все лето и, говорят, *в долг* у Штадельгофера[3] проживут до осени. Девочки очень милы.[4] Алексей Лобанов[5] у Лонгиновых 8 дней. Впрочем, ничего нет нового. Гагарины едут, но не двинулись с места. Война меня сводит с ума. Карс[6] меня давит. Что, если перережут всех наших в Баязете![7] Приезжайте сюда! Зачем ждать именно отъезда? Не все ли равно посетить Вел. Княгиню теперь? Персияни очень тронут Вашей памятью.

Нежно обнимаю Княгиню и Вас с ее позволенья.

А. Баратынская.

Я часто прихварываю и теперь не совсем здорова, мигрень, бессонница!

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 45.

[2] *Трубецкие: Петр Никитич* (1826–1880) – действительный статский советник, санкт-петербургский уездный предводитель дворянства и его жена *Елизавета Эсперовна (*урожд. княжна Белосельская-Белозерская; 1834–1907) (светское прозвище *Lise*), кн., фрейлина императрицы Марии Александровны, хозяйка известного парижского салона. Владелица усадьбы Елизаветино Санкт-Петербургской губернии.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Дочери Трубецких: *Елена Петровна* (1852–1917) – с 21 мая 1871 г. вторая супруга Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато (1839–1885); *Александра Петровна* (1857–1949) – супруга шталмейстера Владимира Николаевича Охотникова (1847–1917), который унаследовал Елизаветино; *Ольга Петровна* (1868–1887); *Мария Петровна* (1870 / 1872–1954) – супруга графа Алексея Алексеевича Белевского-Жуковского (1871–1932), внебрачного сына великого князя Алексея Александровича.

[5] *Лобанов-Ростовский Алексей Борисович* (1824–1896) – князь, российский государственный деятель, дипломат.

[6] Карс – одна из наиболее сильных крепостей Азиатской Турции. В начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. действующий корпус генерала от кавалерии М. Т. Лорис-Меликова (30 тысяч человек при 96 орудиях) осадил Карс, но под давлением Мухтар-паши, имевшего 5 тысяч солдат и собравшего 25 тысяч иррегулярных войск, был вынужден 28 июня (9 июля) снять осаду и отойти к русской границе. Карсская крепость была взята штурмом 6 (18) нояб. 1877 г.

[7] Баязет (совр. Догубаязит) – город на северо-востоке Турции (вилайет Агры). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был взят русскими войсками. В июне 1877 г. руссский гарнизон Баязета. (ок. 1650 чел.) был осажден турками (ок. 11 тыс. чел.). Осада продолжалась 23 дня. Руководили обороной полк. И. Хан Нахичеванский, капитан Штоквич, поручик Томашевский. Несмотря на малочисленность гарнизона, недостаток продовольствия и воды, защитники Баязета отбили все атаки противника. Предложения о капитуляции были отклонены. 28 июня (10 июля) подошедший Эриванский отряд русских войск отбросил турок и снял осаду Баязета.

36. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

<24 июля / 5 августа 1877>

Homburg es month
24 juil. /5 aout 77.

Как изволите поживать, милостивая государыня? Надеюсь, что хорошо. Мы так себе. Нельзя слишком жаловаться, но нечему и очень радоваться. Погода самая непостоянная. То тепла и солнечна: то дождлива и свежа. Вероятно, то же и у Вас. Странные депеши напечатали в Figaro, Samedi, 4.[2]

Что говорит о них Европейская Эгерия,[3] жительствующая в Hôtel d'Angleterre?[4] Худо верится, а между тем все говорится так утвердительно, что приходишь в тупик. Впрочем, l'imprévu,[5] которое вообще играет роль в жизни нашей, во всём этом восточном вопросе и в различных изменениях его a toujours tenu le haut du pavé[6] и поражал нас противоречиями своими.

Правда ли, что В. К. Марию Пав.[7] дорогою обокрали? Мы теперь под английским наплывом. Каждый день новые лица: а моя прекрасная американка[8] у Вас ли еще или выехала? Если встретитесь с нею, передайте ей мой сердечный поклон.

Целую ручки Ваши. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Надеюсь и даже уверен, что Вы не забыли гробницы.[9]
Скажите, сколько нужно денег Вам выслать.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 16–17 об.

[2] Речь идет об опубликованных в газ. «Фигаро» за 4 авг. 1877 г. французским журналистом Анри Пьером де Вестином (псевдоним Иван де Вестин, 1834 – после 1906) дипломатических документов: депешах от 25, 27, 29 и 30 июля 1877 г., адресованных министром иностранных дел Турции, великим визирем Аафири турецкому послу в Австрии Алеко-Паша, доказывавших роль, которую в подготовке возможного перемирия между Турцией и Россией после неудачного для русских войск штурма Плевны играл австрийский двор (*Woestyne Ivan*, de. La Paix. Documents diplomatiques // Le Figaro. 1877. No 216. Samedi 4 Aôut. P. 1). То, что Вяземский называет эти депеши странными, относится, возможно, к утверждению Вестина о том, что, прибыв в Вену, за восемь проведенных в ней дней он сумел не только получить доступ к зашифрованной дипломатической переписке, но еще и найти к ней шифр, что, собственно, и позволило ему их перевести и опубликовать на французском языке. Вместе с тем главной темой этой публикации, которая могла заинтересовать Вяземского, стало утверждение, что истинным театром русско-турецких переговоров о перемирии, которые велись в это время, был отнюдь не Петербург, но Вена. Данное сенсационное заявление французского журналиста имело, на самом деле, под собой конкретную историческую основу, истоки которой восходят еще к Парижскому мирному договору 1856 г. Договор этот, подводивший итоги Крымской

войны, давал, в частности, право Великобритании и Австрии в случае конфликта России с Османской империей вмешаться в него на стороне Турции. Война России с Турцией один на один, таким образом, представлялась отныне возможной только при получении от этих держав согласия на военные действия. Подавление болгарского восстания турками весной 1876 г. и начавшийся геноцид болгарского населения, вызвав волну общественного возмущения в Европе, имели особый резонанс в России. Развернувшаяся здесь острая дискуссия в поддержку славян наложилась в России на собственно российский спор между славянофилами и западниками (первые видели в возможной войне с Турцией выполнение особой исторической миссии русского народа и сплочение вокруг России славянских народов, западники же обосновывали освободительные цели войны). При этом объявление Россией 12 (24) апр. 1877 г. войны Турции оказалось возможным лишь в результате решений, принятых во время встречи Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом 26 июня (8 июля) 1876 г., а также на Константинопольской конференции (11 дек. 1876 – 15 янв. 1877 г.), на которой был выработан компромиссный проект решения, дарующего автономию Болгарии, Боснии и Герцеговине под объединенным контролем великих европейских держав. Отказ Порты признать решения конференции и тем самым игнорирование турками объединенной воли европейских держав дало России возможность демонтировать положения Парижского договора, защищавшие Турцию от войны с Россией один на один.

И Рейхштадтское соглашение и соглашение России с Австро-Венгрией 15 янв. 1877 г., главным фигурантом которых выступала Турция, держались, однако, в строжайшем секрете, о них не знали даже крупные российские дипломаты, включая российского посла в Турции (*Покровский М.* Русская история с древнейших времен / при участии Н. Никольского и В. Сторожева. М., 1911. Т. 5. С. 309–313). С подобной конфиденциальностью, по-видимому, и был связан сенсационный характер публикации турецких дипломатических депеш, доказывавших ту роль, которую в отношениях России и Турции играла в первую очередь Австрия. А также интерес и внимание к этой теме Вяземского, для которого «турецкий вопрос» теснейшим образом связан был с непрекращающейся борьбой западников и славянофилов.

[3] Европейская Эгерия – *Анна Федоровна Тютчева*. См. примеч. 7 к п. 33.

[4] Отель Англетер (*фр.*) в Баден-Бадене.

[5] неожиданность (*фр.*).

[6] задавал тон (*фр.*).

[7] Имеется в виду вел. кн. *Мария Павловна* (1854–1920), жена вел. кн. Владимира Александровича (1847–1909), третьего сына Александра II, урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская.

[8] Прекрасная американка – возможно, американская танцовщица *Фанни Лир* (наст. имя Гетти Эйли, в замужестве Блэкфорд, 1850 (?) – 1886) – любовница вел. кн. Владимира Константиновича.

[9] Имеется в виду могила дочери Вяземского *Надежды Петровны Вяземской* (1822–1840) на Баденском кладбище.

37. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Telegramm aus B. Baden den 11/7/ 877
Bad Homburg, le Prince Wiasemsky
Félicitations voeux sincères

Baratinsky[2]

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 46.

[Перевод]
Телеграмма из Б. Бадена от 11.07.1877
Бад-Гомбург, князю Вяземскому.
Поздравления, искренние пожелания
Баратынская (*фр.*)
[2] Анна Давыдовна поздравляет Вяземского с 85-летием.

38. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Б. Б. 26 июля/
7 августа 1877

Многоуважаемый Князь.

Отвечаю Вам *по пунктам.*

Памятник исправляется медленно, но успешно: крыша снята, боковые камни будут утверждены на днях, также решетка. Новые буквы вырезаны отчасти; с надписью было много хлопот, но теперь все правильно. Зульцер,[2] кажется, честный мастеровой – о цене напишу, когда все будет готово – вряд ли перейдет за 70 марок.

Европейская Эгерия не ручается за истину новостей Фигаро. Прелестная американка уехала на днях – куда? Не знаю. Вел. Княгиню действительно обокрали две женщины, вошедшие в вагон в ту минуту, когда все сопровождавшие Е. В. *олухи* вышли на станции. Жаль ценных вещей и страшно за письма, которые находились в мешке.

Других новостей нет. Депеша от в. к. Алекс. Петр.[3] Мне ничего не сообщает, кроме доброй памяти.

Я с удовольствием вспоминаю о минутах, проведенных с Вами, когда-то увижу Вас опять? Вот Вам письмо Лизы Трубецкой[4] к Кн. Черногорскому[5] и отрывок фельетона из Рус. Мира.[6]

Обнимаю дорогую Княгиню и душевно кланяюсь Вам.

А. Баратынская.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 47–48.

[2] *Зульцер* – реставратор памятника на могиле Надежды Вяземской.

[3] *Александр Петрович*, принц Ольденбургский (1844–1932) – генерал от инфантерии, муж княжны Евгении Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской.

[4] Имеется в виду *Елизавета Эсперовна Трубецкая*.

[5] *Никола I Петрович* (1841–1921) – второй князь Черногории с 1860 по 1910 г., а затем первый король Черногории с 1910 по 1918 г. из династии Петровичей-Негошей. Генерал-фельдмаршал Российской императорской армии (1910).

[6] «Русский мир» – консервативно-оппозиционная петербургская газета (1871–1880). Основателем газеты был генерал М. Г. Черняев.

39. А. Д. Баратынская – В. Ф. и П. А. Вяземским[1]

<7/19 августа 1877>

Bade B. Le 7 / 19 aout 1877.
En hâte

Chère Princesse et cher Prince. Je viens vs apprendre que le monument est enfin restauré et avec un succèss complet. C`est à l`heure qu`il est, en seule tombe soignée

du vieux cimmetière. Tout ce qui est pierre est taillé à neuf, l`inscription très correcte et lisible très profondement gravée. La grille et les croix repeintes en noir, l`horrible toit relevé; entre la grande pierre et les grilles j`ai fait planter une espèce de lierre rempante (Immergrün) qui donne au printemps de jolie fleurs bleues.

J`ai connu et aimée Nadine, et me suis occupée avec amour à remplir vos désirs. Le compte de Sulzer vs. sera envoyé – si vs. voulez consacrer cette restauration par des prières vs. ajouterez quelques Marks de plus.

Rien de nouveau ici – les journaux angoissants! Mon Coeur doublement triste, car mes chères petites Baratoff mère et fillees sont déjà à Copenhague. Христос с Вами!

A vous de Coeur
Baratinsky.

Je compte partir le 15/27pr. Friedrichshafen. Paul Joukovsky est ici- très bon mais chauve et vielli. Il m`a demandé de voir sa soeur, et est venu ce matin avec elle…. Elle est très fannée, très platte par devant et plus droite qu`elle n`était du dos. Les yeux toujours doux, suppliants… très calmes, très modestes d`ailleurs. Le petit garçon est ravissant.

[ПЕРЕВОД]

Баден-Б. 7 / 19 августа 1877.
Второпях.

Дорогие Княгиня и Князь. Сообщаю Вам, что памятник[2] наконец восстановлен и весьма успешно. В настоящий момент он поставлен на единственную ухоженную могилу старого кладбища. Камень обточен заново, надпись выгравирована четко и глубоко, очень хорошо читаема. Решетка и кресты заново покрашены в черный цвет, снят уродливый козырек; между большим камнем и решетками я велела посадить что-то вроде плетущегося плюща (Immergrün[3]), на котором весной распускаются хорошенькие голубые цветы.

Я знала и любила Надин и с любовью занималась исполнением Ваших пожеланий. Счет Зульцера[4] будет Вам послан – если Вы захотите освятить отреставрированный памятник, добавьте к сумме еще несколько марок.

Здесь ничего нового – то, что печатается в газетах, внушает тревогу! Сердце мое вдвойне опечалено, так как мои дорогие Барановы, мать и дочки, уже в Копенгагене. Христос с Вами!

Сердечно Ваша
Баратынская.

Я полагала уехать 15/27 в Фридрихсхавен. Поль Жуковский[5] здесь, он очень мил, но лысый и постаревший. Он попросил меня встретиться с его сестрой[6] и сегодня утром пришел ко мне вместе с ней ... У нее весьма увядший вид, спереди она выглядит очень прямой и плоской, чего не скажешь, когда смотришь на нее сзади. Но глаза по-прежнему нежные, молящие... очень спокойные и к тому же скромные. Мальчонка очарователен[7] (*фр.*).

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 49–50 об.

[2] Памятник на могиле Наденьки.

[3] вечнозеленый (*нем.*).

[4] Зульцер – см. примеч. 2 к. п. 38.

[5] *Жуковский Павел Васильевич* (1845–1912), сын В. А. Жуковского – русский художник, инициатор создания Белевского краеведческого музея, был членом-учредителем по устройству Русского музея в Петербурге, участвовал в разработке проекта здания Музея изобразительных искусств в Москве.

[6] Сестра – Александра Жуковская, бар. Седжиано, в замужестве бар. Верман (1842–1899) – дочь В. А. Жуковского, фрейлина, предположительно морганатическая супруга великого князя Алексея Александровича, брак с которым был расторгнут; мать его единственного сына.

[7] *Белёвский-Жуковский Алексей Алексеевич*, гр. (1871 – между 1930 и 1932) – сын Александры Жуковской от великого князя Алексея Александровича.

40. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Б. Б. 9 / 21 ав. 1877

Любезнейший Князь.

Зульцер мне представил счет, далеко превышающий установленную цену – менее 100 марок он не берет, уверяя, что работы и материала было гораздо более, чем он ожидал. Правду сказать, это так. Буквы были стерты, камни, кроме плиты, переломаны, так что решетка шаталась, по сторонам решетки недоставало четвертой шышечки – сделали медную за неимением чугунной. Я требовала, чтобы плита и боковые камни были выкрашены заново – нельзя ж было подновить одно, оставив другое в грязном виде. Теперь все отлично, любо смотреть. Подстричь деревья и посадить зелень в ограде стоило только 4 марки, что не разорительно.– Это были единственные dépenses extraordinaires.[2] Остальные необходимы.

Вчера получила я предлинное и премилое письмо от В. К. Екат. Мих. Она глубоко тронута депешей Государя о Стрелках и депешей, где отдавалась справедливейшая похвала покойному Герцогу[3] – тужит о войне: после Плевны[4] в Петерб. упали духом, стали бояться силы противника … Но возможно ль, чтобы для гвардии нужно два месяца, чтобы добраться до Дуная, или В. К. ошибается? 2 месяца! Ведь это вечность. Но это же железные пути?

Гр. Мойра мне пишет, что Имп. не показывает уныния. Жизнь в Ферме течет по-прежнему, но вообще все грустно, страх заменил буйные восторги весны. Здесь тоска, воздух удушливый. Боюсь, что на Конст. озере[5] найду то же самое. Что может в настоящее время развлечь душу? Спаси нас Господи и помилуй!

Нежно обнимаю Вас и Княгиню. Не взыщите на меня за Зульцера!

А. Баратынская.

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 51–52 об.

[2] непредвиденные расходы (*фр.*).

[3] Муж вел. кн. Екатерины Михайловны герцог *Георг-Август-Эрнест-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий* скончался 8 (20) июня 1876 г. в Петербурге.

[4] Осада Плевны (Плевена) – эпизод Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военная операция русско-румынских войск против укрепившихся в городе Плевне турецких войск Османа-паши. Упорная оборона турецких войск задержала продвижение русской армии и позволила османскому правительству укрепить Стамбул и Адрианополь, однако из-за неумелых действий высшего турецкого командования гарнизон Плевны был принужден к капитуляции.

[5] Констанцское озеро – одно из названий Боденского озера, находящегося в предгорьях Альп на границе Германии, Швейцарии и Австрии.

41. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской[1]

12/24 августа 1877

Сердечно благодарю Вас, любезнейшая Анна Давыдовна, за дружескую заботливость Вашу об исправлении надгробного камня. Беды нет, что оно обошлось немного дороже, чем предполагалось. Главное, что оно прилично и хорошо сделано, за что приносим Вам большое спасибо. А прочее предоставляем на совесть Г-на Зульцера. Надеюсь, что Вы уже получили посланные Вам женою моею сто марок. Кажется, в такой сумме заключался счет Зульцера. Жена извиняется, что наскоро написала Вам только несколько слов. В самый тот день была у нас Мария Арк.[2] проездом в Deauville[3] к своей В. Княгине.[4] Хорошо делаете и Вы, что едете к своей, или нашей Королеве. Там Вам будет отраднее. Прошу повергнуть меня к ножкам и к памяти ее Величества. Здесь все еще много народа и с каждым днем прибывает Британская волна. Мы ею залиты. Третьего дня встретил я Колошина во Франкфурте, живого грамотного о Бадене. Если увидите на озере экс-Императрицу,[5] скажите ей, что все еще ожидаю письма ее, обещанного мне дюком де Бассано,[6] в ответ на стихи мои. Разумеется, это шутка. Но, если придется к слову, можете сказать, что я остался верен моим мимолетным впечатлениям и видению.

Охота ей хлопотать о возвращении в эту, не столько умную, сколько безумную и неугомонную Францию.

Будьте здоровы и не унывайте. В жизни ничего нет такого, что бы стоило уныний, или радости. Передайте мой поклон Европейской Эгерии. Завтра буду ей писать.

Неизменно Вам преданный Вяземский.

Нет, я не туркофил и не стою за Порту.[7] А чтобы решить вопрос восточный, вот мой план. Всех турков, сколько их ни есть, отправить к черту. Но с тем, чтоб и от всех избавиться славян.[8]

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 20–21 об.

[2] М. А. Столыпина.

[3] Довиль – город в Нормандии на побережье Ла-Манша,

[4] Имеется в виду великая княгиня Мария Павловна.

[5] Имеется в виду бывшая французская императрица Евгения.

[6] *Наполеон Жозеф Юг Маре, герцог де Бассано* (1803–1888) – великий канцлер Наполеона III. Его жена Полина де Бассано была камер-фрейлиной императрицы Евгении.

[7] Порта (*фр*. Porte, *итал*. Porta, буквально дверь, врата) – употреблявшееся в европейских дипломатических документах и литературе название правительства Османской империи.

[8] Цитата из стихотворения Вяземского.

42. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Фридрихсхафен
20-е авг. / 2 сентября 1877

Любезнейший Князь.

Вот неделя как я уже здесь – где все весело и радушно, но сердце Королевы и мое сердце бьются без умолку в ожидании вестей. Депеш от Государыни нет – это дурной знак. Было к Королеве письмецо от 15/27 короткое и тревожное: «il n`y a de consolation que dans les prieres»,[2] – писала Ея Вел. Король судит очень здраво, боится за нас, но одобряет присутствие Государя в армии, хотя (не знаю, почему?) осуждает пребывание В. К. Марии Алекс. в России.

В пятницу Королева осматривала свой санитарный поезд в Ульме;[3] я провела часть этого дня в Кирхберге, где застала баронессу Икскуль[4] (Римскую) и ген. Влангали.[5] Мария Макс. не знает ничего положительного даже о своих братьях.[6] Она здорова и мила. Он дома и в лучших отношениях с нею. Дети премилые.

Здесь гостит третий день графиня Ербах с мужем.[7] Часто наезжают гости, после обеда вчера были две Еругеруани,[8] сегодня ждем владетелей Мейнау.[9] Завтра уезжают Ербахи, а я во вторник иль в среду. Вера Конст. остается до 13-го. Ее деточки растут и составляют счастие ИИ. Величества. Сама Она очень весела, хотя и вспоминает с любовью о муже – но как-то по-детски. Королева посылает Вам и Княгине сердечный поклон. Ваш план к разрешению восточного вопроса Ей очень полюбился.

Имп. Евгения проводит лето в Англии и не будет вовсе сюда.

До сегодняшнего дня, т. е. до дождя, мы обедали и ужинали в саду – вечер оканчивается в кабинете Короля то картами, то чтением.

Вот все новости – что-то творится сегодня на Дунае и на Кавказе? Страшно подумать! Спаси нас Господи и помилуй!

От души Ваша
А. Баратынская

P. S. Прошу сказать Княгине, что деньги я получила и в самый тот день расплатилась с Зульцером под расписку.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 53.

[2] Нет утешения, кроме молитвы (*фр.*).

[3] Ульм – город в Германии, в земле Баден-Вюртемберг, на реке Дунай, примерно в 90 км к юго-востоку от Штутгарта. С XIII в. имперский город.

[4] *Икскуль фон Гильденбанд* (урожд. Лутковская, в первом браке – Глинка-Маврина) *Варвара Ивановна*, бар. (1850–1928) – общественная деятельница, литератор, издатель, сестра милосердия, благотворительница. Баратынская называет ее «римской», поскольку она в 1874 г. вышла замуж за русского посла в Риме *Карла Петровича Икскуля фон Гильденбанда,*

[5] *Влангали Александр Егорович* (1824–1908) – русский географ-первопроходец, геолого-разведчик, историк-экономист, дипломат (посланник в Китае и в Италии), генерал-майор (с 1870). В 1873 г. уволен с действительной военной службы с мундиром.

[6] Сыновья великой княгини Марии Николаевны (дочери Николая I) (соответственно братья Марии Максимилиановны): Николай (1843–1891), 4-й герцог Лейхтенбергский, Евгений (1847–1901), 5-й герцог Лейхтенбергский, был женат вторым морганатическим браком с 1878 г. на З. Д. Скобелевой, сестре генерала Скобелева, Сергей (1849–1877), герцог Лейхтенбергский, Георгий (1852–1912), 6-й герцог Лейхтенбергский, а также сводный брат Григорий (1857–1859), граф Строганов.

[7] Имеется в виду графиня *Эрбах-Шёнберг* (урожд. Баттенберг) *Мария Каролина* (1852–1923). Через императрицу Марию Александровну, принцессу Гессенскую, приходилась двоюродной сестрой императору Александру Ш. С 1871 г. замужем за графом Густавом Эрбах-Шёнбергом (1840–1908).

[8] Еругеруани – неустановленные лица.

[9] Майнау (нем. Mainau) – один из островов Боденского озера. С 1853 г. находился во владении герцога Фридриха I, великого герцога Баденского в 1856–1907 гг., превратившего его в свою летнюю резиденцию, основавшего на Майнау дворцовое садовое управление (Großherzoglich badische Hofgärtnerei) и разбившего здесь парк, куда впервые допущена публика. Был женат на Луизе Прусской, дочери Вильгельма I, императора Германии и императрицы Августы, которая приходилась соответственно двоюродной племянницей русскому императору Александру II.

43. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Б. Б. 1/13 ноября 1877

Любезнейший Князь.

Спаси Вас Господь! Старайтесь не падать духом, а что касается до телесных немощей, они не щадят никакого возраста. Здесь в три дня умер 63-летний богач и хороший человек некто Aŭfmardt (?) и умирает параличом разбит 14-летний мальчик сын австрий. посланника Фустершмидта. Вот Баденский скорбный лист.

Труб. и Столыпиной сегодня передам Ваши поручения. Пришлю Вам на днях слабые отголоски песен Гейне. Граф. Алекс. Андреевна Толстая[2] гостит уже 2 недели у Плессеных. Баденск. Владыки переселились в столицу. Мы, т. е. Она и я, или Они и я, виделись до последнего дня (до субботы).

Вел. Герцогиня пила у меня чай раза два, но много говорила о Вас. Мария Макс. неутешна.[3] Принц-супруг поехал в Петерб.

Слава нашим Вел. Князьям и храбрым армиям! Теперь можно ожидать конца.

Желаю Вам новых сил и обнимаю Вас и Княгиню с преданностью и уважением.

А. Баратынская.

Отчего Вы развенчали Гомбург? уж не рассердил ли Вас как-нибудь русый юноша?

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 55–56.

[2] *Толстая Александра Андреевна*, гр. (1817–1904) – придворная дама, двоюродная тетушка Л. Н. Толстого, с которым состояла в многолетней переписке и о котором оставила воспоминания; воспитательница дочери великой княгини Марии Николаевны, принцессы Марии Максимилиановны. С 1866 г. – фрейлина императрицы Марии Александровны и вос-

питательница великой княжны Марии Александровны до ее замужества в 1874 г. В том же году награждена орденом Святой Екатерины малого креста. С 1881 г. – камер-фрейлина русского императорского двора. Толстая внимательно следила за новинками литературы, читала на английском, немецком и французском языках; занималась переводами, написала несколько рассказов, роман, оставила мемуары.

[3] 12 окт. 1877 г. во время разведки ее брат, Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1849–1877), был убит пулевым ранением в голову. В начале Русско-турецкой войны он отправился на передовую и участвовал в боях за освобождение Болгарии. Состоял при цесаревиче Александре Александровиче. Князь Романовский стал первым членом Российского императорского дома, погибшим на войне. Император Николай I указом от 6 (18) дек. 1852 г. даровал потомкам Максимилиана и Марии Николаевны титул и фамилию князей Романовских.

44. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

Баден Б. 30 нояб. / 12 дек. 1877

Вы меня простите, любезнейший Князь, когда узнаете причину моего молчания.

Я опять пролежала неделю в постели и сегодня первый раз выехала в церковь благодарить Бога за падение Плевны.[2] Вчера был день восторга: депеша за депешей, все о том же. Что будет теперь? Мир или новые потоки крови? Ответ В. К. Александра Петр.[3] самый теплый. Сегодня письмо от В. К. Екат. Мих. с подробностями о грустном нападении на Кн. С.-Мирского[4] под Еленой,[5] где ранен Бобринский (В. К. пишет, однако, что д-ра надеются обойтись без ампутации).[6]

Перехожу к Вашим стихам. Они прекрасны, но легенда чересчур грустна.[7] Спаси Вас Господь от такого настроения духа! Я не теряю надежду увидеть Петра Андреевича снова молодцом.

Apropos! Я Вам пришлю переведенные мною *по заказу* Алек. Андреевны Толстой стихи одного Немца.[8] Понравятся ли они Вам?

Ваш внук,[9] слава Богу, был ранен легко и теперь вне Карса. А каково было дело? Честь и слава! Немцы в 1866 и не встречали во сне таких твердынь, таких непроходимых путей.

Обнимаю от души Княгиню. Желаю ей и Вам всего лучшего. Из San Remo вести получше. Пребыванье продлится долее.

Столыпина еще здесь. Она спит и видит одно: свой *склад*! – Даже меньше говорит о сыне. Эгерия занята Парижем – они прозябают изо дня в день в Отеле.

А. Б.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 57–58 об.

[2] Речь идет о взятии русскими войсками 10 дек. 1877 г. крепости Плевна, которое предрешило исход Русско-турецкой войны и освобождение Болгарии. См. п. 39 примеч. 4.

[3] *Ольденбургский Александр Петрович* (1844–1932) – в 1876–1880 гг. командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской дивизии – так называемой «Петровской бригадой», состоявшей из Преображенского и Семеновского полков, участвовал в Русско-турецкой войне в 1877–1878 гг. в чине генерал-майора, впоследствии – генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета.

[4] *Святополк-Мирский Петр Дмитриевич*, кн. (1857–1914) – русский государственный деятель из рода Святополк-Мирских. Участвовал и отличился в бою под Карсом, в 1877 г. был назначен флигель-адъютантом императора Александра II.

[5] Елена – город в Болгарии в 35 верстах от Тырнова. 22 нояб./4дек. 1877 г. Еленский отряд Дунайской армии (6 батальонов, 18 орудий, 4 эскадрона) под командованием генерал-адъютанта князя Н. И. Святополк-Мирского и генерал-майора А. В. Дембровского был атакован турецкой дивизией Фуада-паши, шедшей в авангарде войск Сулеймана-паши. Русские оставили Елену только после того, как все ее жители с их имуществом ушли из города. В восьмичасовом ожесточенном сражении против пятикратно превосходящих сил турок русские потеряли убитыми и ранеными треть нижних чинов и половину офицеров. Героическим сопротивлением Еленский отряд не допустил, чтобы неприятель проник за ущелье Св. Николая, откуда открывался свободный и незащищенный путь на Тырново.

[6] Вероятно, речь идет о правнуке Екатерины II гр. *Владимире Александровиче Бобринском* (1853–1877). В чине поручика лейб-гвардии гусарского полка участвовал в боях под Горным Дубняком (12 окт.) и Темишем (16 окт.). Согласно воспоминаниям его сослуживца (впоследствии известного дипломата) Н.В.Чарыкова, он получил тяжелое ранение в стычке с черкесами после занятия болгарского г. Орхание (ныне Ботевград). «Владимир Бобринский без особой необходимости вышел на линию огня, он взял ружье и начал стрелять, когда черкесская пуля поразила его в колено. Его с братом сразу отправили в центральную больницу в Богот, около Плевны, где он умер несколько дней спустя от столбняка, начавшегося из-за его раны» *(Tcharykow N.V.* Glimpses of high politics. P. 125). Цит. по: «...Не время изучать политику, когда нужно одерживать победы»: Н. В. Чарыков на Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Письма к отцу / предисл., подгот. текста и коммент. Л. А. Пуховой. Адрес электр. доступа: new.z-pdf.ru/33istoriya/370468-l. Тело Владимира отправили в Петербург и, видимо, по просьбе его матери Софьи Андреевны (урожд. Шуваловой; 1829–1912), похоронили на родовом кладбище Шуваловых в Вартемяках.

[7] Возможно, речь идет о стихотворении Вяземского «Современная легенда» (1875).

[8] «стихи одного Немца». – Вероятно, Баратынская имела в виду немецкого поэта и переводчика Фердинанда Фрейлигграта (1810–1876), стихотворение которого: «O lieb, solang du lieben kannst» она перевела на русский и английский языки (см.: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов. С.146–148).

[9] Внук Вяземского Петр Павлович (1854–1931) – генерал-майор Гренадерского лейб-гвардии полка, шталмейстер двора, адъютант великого князя Михаила Николаевича, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

45. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<2/14 июня 1877>

Любезнейший Князь.

Жаль, что Вы не приехали сюда из Югенхайма! Вел. Княгиня Вас ждет на этой неделе. Я не вижу Е.И.В. довольно часто, чтобы Вам сообщить ее намерение. Не ждите ж депеш и приезжайте просто на днях.

А. Баратынская.

Она вряд ли пробудет до 23-го nouv. style, вернее приехать теперь.[2]

2 / 14 июня. Баден Б.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 59.

[2] Приписка поперек листа.

46. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<3 октября 1877>

Середа. Бад. Б. 3-е окт.

Теперь свободны в Cour de Bade три смежные хорошие комнаты в 1 этаже – над ними никого покуда. Просят уведомить депешей, к какому дню приготовить. Ждут ответа завтра 4-го октября.

РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 61.

47. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<3 декабря 1877>

Вселюбезнейший Князь.

Милости просим! Вас будет ждать тепло и покойное помещение в Hôtel de Hollande 3 комнаты сряду на площадь окнами. Столыпины, я и все друзья под боком. Назначьте день и час. Я еду после 15/27-го.

А. Баратынская.

3-е Декаб.
Баден Б.

Я вернулась только в Воскресенье.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 60.

48. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<9 июня 1878>

Суббота, 9-го июня
6 часов вечера

Я только сегодня видела В. К. М. П.[2] и Вам тотчас послала депешу. Е.И.В-во[3] была в эти дни в отсутствии; ждет Она Вас с нетерпением. Приезжайте же. Она пробудет еще 2 недели. Мар. Макс. *не застала* в Бадене. Сегодня из Карлсруэ уехала она в Соден. Вы видите, что я не забыла Вашего поручения – письмо Ваше разошлось или, лучше сказать, встретило в дороге мою депешу. Если будете сюда до вторника, застанете здесь Императрицу. Ея Величество будет у меня в Понедельник вечером за́ про́сто. Vs serez notre lion![4] милости просим!

Еще новость! На будущей неделе Мария Александр.[5] едет из Кобурга[6] в Россию.

Так жарко, что едва могу писать – Нежно обнимаю Княгиню, а на Вас сержусь за незаслуженные упреки, но и Вас обнимаю.

А. Баратынская.

Телеграфируйте о Вашем помещении. Я распоряжусь.

---

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 62–62 об.

[2] Имеется в виду вел. кн. Мария Павловна. См. примеч. 9 к п. 30.

[3] См. примеч. 3 к п. 30.

[4] Вы будете нашим львом (*фр.*).

[5] *Мария Александровна*, вел. кн. (в замуж. герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская; 1853–1920) – дочь имп. Александра II и имп. Марии Александровны.

[6] Кобург – город в Германии на реке Иц (приток Майна. До 1918 г. – резиденция герцогов Саксен-Кобург-Готских).

49. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<б. д.>

Посылаю Вам на суд мой оконченный перевод с оригиналом для сличенья.

А. Б.

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 63.

50. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<12 октября 1878>

Благоволите назначить день и час Вашего приезда – я Вас устрою в Cour de Bade или Hollande и вышлю человека Вам на встречу. Император остается до 18-го. 18-го едет во Франкфурт, о чем давно трубят газеты. Здесь тихо; в воскресенье вечером фокусник Шерри дает представленье в Hôtel de Hollande в пользу наших раненых – Кн. Оболенская писала об этом Импер. Вильгельму и надеется на его присутствие. Пишу наскоро, при свечах, ничего не вижу. Тайну Вашу сохраню.

Вся Ваша
А. Б.

Пятница 12 окт.
Б. Б.

Погода отвратительная сегодня.

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 64–64 об.

51. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому[1]

<б. д.>

Mme Persiany assure que c`est 10 Marks par visite.

A. Baratinsky[2]

[1] РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 65–66 об.

[2] Мадам Персиани уверяет, что за визит надо заплатить 10 марок. А. Баратынская (*фр.*).